

Указательные местоимения в древнеиранских языках: основные типы употребления и реконструкция праиранской системы¹

В статье рассматривается употребление указательных местоимений в древнеиранских языках. В соответствии с дейктической семантикой указательных местоимений определяются границы супплетивных парадигм и серий. Впервые на древнеиранском материале устанавливается соответствие каждой парадигмы местоимений с определенным типом дейксиса. На основе изученных типов употребления в древнеиранских языках, данных других иранских языков, а также в сопоставлении с древнеиндийским реконструируется праиранская система демонстративов.

Ключевые слова: иранские языки; древнеиранские языки; авестийский язык; древнеперсидский язык; дейксис; демонстративы; указательные местоимения; праиранский язык.

Настоящая статья представляет собой исследование дейксиса и указательных местоимений (демонстративов) в древнеиранских языках. В основе своей оно имеет анализ различных контекстов употребления указательных местоимений в авестийском и древнеперсидском языках, а также сопоставление двух текстов авестийской традиции с опорой на представления о дейксисе и демонстративах в лингвистической типологии. Для достижения этого необходимо: 1) определение супплетивных парадигм местоимений (также доказательство того, что элементы внутри них кореферентны и принимают значения, характерные для местоимений данной парадигмы); 2) определение значений, свойственных для каждой парадигмы; 3) распределение местоимений каждой из парадигм по трем базовым дейктическим значениям — то есть ближнему, среднему и дальнему дейксису.

Раздел 1 обобщает две письменные традиции на древнеиранских языках: авестийскую и древнеперсидскую, фокусируясь на генетико-диалектологическом статусе авестийского. В разделе 2 приводятся сведения о древнеиранских указательных местоимениях, почерпнутые из существующих описаний, а также об используемых в работе подходах к дейксису и демонстративах. В разделе 3 приводится реконструкция основ указательных местоимений в древнеиранских языках, обсуждаются особенности супплетивизма, приводится пример парадигмы. В подразделах 3.1–3.4 даны примеры употребления рефлексов этих основ в авестийском и древнеперсидском языках, приводится соответствие каждой группы местоимений с определенным типом дейксиса, уточняются сведения об актуальных парадигмах указательных местоимений. Раздел 4 представляет собой анализ употребления указательных местоимений в двух текстах авестийской традиции, Ардвисур-Яште и Хадохт-Наске. В разделе 5 представлена реконструкция праиранской системы указательных местоимений на основе изученных типов употребления в древнеиранских языках, данных других иранских языков, а также в сопоставлении с древнеиндийским. Выводы обозначены в разделе 6. В приложении даны парадигмы для всех серий указательных местоимений в древнеиранских языках.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

1. Древнеиранские языки. Хронология. Генетико-диалектологический статус

Начало древнеиранской языковой эпохи принято отсчитывать от разделения индоиранской общности на индоарийскую и собственно иранскую ветви (не позднее 2000 г. до н.э.), конец же соотносится с IV — III вв. до н.э., временем составления последних текстов на древнеперсидском языке (Оранский 1979: 63; Skjaervo 2009: 43). К древнеиранским языкам хронологически можно отнести авестийский, древнеперсидский, мидийский и скифский. До нас дошли древнеперсидские и авестийские тексты, в то время как сведения о мидийском и скифском языках крайне ограничены и сводятся в первую очередь к ономастике, а также ряду мидийских заимствований в древнеперсидском. В дальнейшем речь пойдет об особенностях древнеперсидского и авестийского, так как мидийский и скифский языковой материал не позволяет сделать выводы о системе демонстративов (указательных местоимений) в этих языках.

Древнеперсидский язык относится к юго-западной группе иранских языков, в то время как принадлежность авестийского языка к той или иной иранской подгруппе установить затруднительно. Это связано с наличием в нем признаков, характерных как для западноиранских, так и для восточноиранских языков. Сложность заключается также в том, что авестийский язык делится на два ключевых языковых слоя: староавестийский и младоавестийский, генетико-диалектологическое соответствие между которыми также является предметом споров.

В частности, А. Панаино в своей работе высказывает сомнения насчет того, что староавестийский и младоавестийский — это две стадии одного того же языка, как некогда считалось (Panaino 2007). Несомненно, староавестийский диалект в целом более архаичен, а младоавестийский демонстрирует больше инноваций. Однако отдельные элементы морфологии (парадигм склонений имен, глагольной флексии) в младоавестийском более архаичны и сходны с теми, что можно наблюдать в древнеиндийском; в староавестийском же, наоборот, в этих местах наблюдаются инновации. Эти изоглоссы позволяют говорить о том, что младоавестийский язык может иметь своим предком некую языковую форму, близкородственную староавестийскому, но имевшую ряд различий (Panaino 2007: 24). Вместе с тем по данным в первую очередь фонетики, а также морфологии и синтаксиса подтверждается типологическая близость младоавестийского и древнеперсидского языков (в отличие от староавестийского) (Skjaervo 2009: 44).

1.1. Авестийская традиция. Тексты. Диалектология

На староавестийском или диалекте Гат записаны собственно Гаты (Y.28-34, Y.43-51, Y.53), Ясна Хаптанхаити или «Ясна Семиглавая» (Y.35-41), а также разнообразные цитирования, вступительные и завершающие пассажи в Младшей Авесте. Гаты — «Песнопения» имеют четко выраженную метрику и по мнению многих исследователей являются проповедями в поэтической форме, созданными самим Заратуштрой. Между текстами Гат «вложена» Ясна Хаптанхаити, составленная в древнейшей поэтической форме, отличной от поэтической формы Гат и имеющей ритмические и риторические параллели в италийских языках, см. Watkins 1995: 232–240. Тексты Младшей Авесты содержатся в следующих книгах: Ясна, Висперед, Видевдад, Яшты, Хорде Авеста, и в отдельных фрагментах (Хадохт-наск, Нирангистан и др.). Между младоавестийскими текстами Ясны также «вложены» Гаты.

Считается, что на староавестийском говорили на востоке Иранского нагорья в середине — начале II тысячелетия до н.э. (Malandra 1983: 16; Skjaervo 2009: 46; Martínez & de

Vaan 2014: 1). Это время приблизительно соответствует времени создания Ригведы, язык которой сближают по уровню архаичности с диалектом Гат. Тогда же были составлены в первоначальном виде Гаты и Ясна Хаптанхайти. При этом младоавестийский был разговорным языком в начале — середине I тысячелетия до н.э. В то же время фиксируются древнеперсидский, мидийский и скифский языки. Предположительно, тогда и создается канон Авесты в устной форме, а Гаты Заратуштры становятся частью большой Авесты, составленной на младоавестийском языке (Skjaervo 2009: 46).

Таким образом, Авеста передавалась исключительно устно, пока в VI веке н.э. не был составлен письменный корпус авестийских текстов. Несомненно, существовало несколько школ, передававших Авесту, в том числе и на письме, ср. согдийскую запись молитвы Ашем Воху в работе Cantera 2022: 222. С записью Авесты в VI веке традиция устной передачи не была прервана, и разные школы продолжили существовать. И хотя после исламизации Ирана значительная часть манускриптов была утрачена, синтез устной и письменной практик сохранил корпус авестийских текстов в том виде, в котором мы имеем их сегодня, см. Cantera 2022: 223–227. При этом древнейшие сохранившиеся рукописи Авесты датируются XIII в. Влияния передатчиков и переписчиков, говоривших на других языках, а также обычные ошибки, накопившиеся за это время, несомненно присутствуют в священном тексте.

А. Панаино подвергает сомнению единое происхождение авестийской традиции, приводя определенные историко-культурные аргументы. Во-первых, религиозные идеи, содержащиеся в текстах Гат — более инновационные, чем отдельные тексты, написанные на младоавестийском языке. Гимны Хаоме и Тиштрии, сказание о Йиме и т. п. являются частью более древней устной традиции, восходящей к праиндоиранскому уровню (Panaino 2007: 25). Стоит привести в пример хотя бы Йиму, который, обладая ролью культурного героя и царя в Младшей Авесте, присутствует также и в индуистском пантеоне (Яма), и в религиозных представлениях нуристанцев-кафиров в виде верховного бога и культурного героя (Имра — Мара — Ямараджа). Несомненно, образ Йимы сложился ещё до распада индоиранской общности, а по мнению отдельных исследователей пантеон во главе с Йимой — общеарийское наследие в религиозной системе кафиров (Йетмар 1986: 121).

Наконец, если между жизнью Заратуштры и возникновением устных текстов на младоавестийском разница в четыре века, неясно, как зороастрийские жрецы могли так долго довольствоваться скудными и трудно сопоставимыми между собой староавестийскими текстами Гат и Ясны Хаптанхайти (Panaino 2007: 26). Сохранившиеся староавестийские фрагменты представляют, вероятно, лишь самую малую часть той древнейшей традиции. Действительно, книги Авесты состоят из разнообразных фрагментов, при этом значительный вклад в это разнообразие вносит та устная традиция, которая легла в основу Младшей Авесты.

1.2. Древнеперсидская письменная традиция

Древнеперсидский представлен одним диалектом — это язык клинописных надписей ахеменидских царей, создание которых можно датировать относительно четко: 522 — около 350 гг. до н. э. Преимущественно это надписи Дария I (522 — 486 гг. до н. э.) и Ксеркса I (486 — 465 гг. до н. э.) (Kent 1950: 6; Skjaervo 2009: 43). Доподлинно неизвестно, насколько язык клинописных надписей соответствовал разговорному языку как ахеменидской элиты, так и их персоязычных подданных. Та же форма языка, которая впервые была зафиксирована при Дарии, уже могла быть непонятной для его ближайших пре-

емников. В поздних надписях фиксируются многочисленные ошибки, расхождения с нормой текстов VI в. до н. э. (Skjaervo 2009: 47). Язык персов поздней империи Ахеменидов, зафиксированный в надписях, оставленных потомками Ксеркса I, принято называть поздним древнеперсидским. В них можно усмотреть также перестройку системы именного склонения, выход из употребления форм имперфекта, отпадение конечных безударных гласных основы и прочие изменения, характеризующие его переходное состояние по отношению к среднеперсидскому (de Vaan & Lubotsky 2012: 207).

2. Указательные местоимения (демонстративы) в древнеиранских языках. История изучения. Представления о дейксисе и демонстративах

Изучение древнеиранских указательных местоимений и их дейктических значений началось с изысканий сравнительно-исторических лингвистов, которые выделяли древнеиранские лексемы вместе с их когнатами в других индоевропейских языках, сравнивали их значение и употребление. Реконструируемые праиндоевропейские корни, отраженные в указательных местоимениях языков индоевропейской семьи, К. Бругманн предложил соотносить с четырьмя способами выражения дейктических значений: *ich-deixis*, *du-deixis*, *der-deixis* и *jener-deixis*² (Brugmann 1904). Эти способы отражают различные виды указания на референта. Так, к *ich-deixis* относится указание на область в пространстве, ассоциируемую с говорящим, к *du-deixis* — на область, которая понимается говорящим как домен адресата. Тип *der-deixis* понимался как слабо-дейктическое или анафорическое указание на референта, индифферентное по отношению к положению референта в пространстве. Впоследствии в лингвистической науке значения типа *der-deixis* были отнесены к широкому классу эндофорических значений, не являющихся собственно дейктическими, см. Diessel 1999: 113. Последний тип, *jener-deixis* включал указание на удаленный объект, находящийся «по ту сторону», то есть исключаемый из области как говорящего, так и адресата.

Здесь нельзя не отметить, что изначально дейктические типы применялись для описания индоевропейских местоименных морфем и прочно ассоциировались с ними, однако уже в более поздних работах им стало придаваться значение языковых универсалий: «дейктические слова были бы неспособны передавать данные логические функции, если бы у них не было с самого начала соответствующих внутренних предпосылок» (Bühler 1934).

Представлениями о дейксисе как об универсальной категории руководствуется и настоящая работа. В частности, здесь приняты обозначения дейктических значений, основанные на выводах, сделанных Э. Ландером и Л. Хагеман (Lander & Haegeman 2018). Выделяется три серии указательных местоимений со значениями: 1) близкий к говорящему, 2) близкий к адресату, 3) удаленный от говорящего и адресата. Для упрощения эти значения именуется также близким, средним и дальним, как принято в большинстве типологических описаний. Вместе с тем постулируется синкретизм значений (Lander & Haegeman 2018: 123). Это означает, что в одном местоимении может совмещаться два и более из них. Например, синкретическое местоимение X, ко-

² Ср. *hic-* и *istic-deixis* вместо *ich-* и *du-deixis* в работе Я. Ваккернагеля (Wackernagel 2010). Это уточнение требовалось для того, чтобы подчеркнуть: указание производится в отношении некой области, соотносимой с одним из локуторов, а не напрямую на говорящего/адресата, как можно было бы предположить, исходя из обозначения, предложенного Бругманном.

торое сочетает значения 1 и 2, указывает на область говорящего и/или адресата в зависимости от контекста; а местоимение, которое сочетает все три значения, является нейтральным, его употребление не зависит от степени удаленности референта от дейктического центра. Иначе говоря, как бы ни было много (или мало) морфологических средств для выражения удаленности в языке, в строго дейктическом смысле они будут сводиться к трем базовым значениям или их комбинациям.

В настоящей работе также рассматривается употребление указательных местоимений в слабо-дейктических или эндофорических контекстах. Под этим объединяющим названием понимается анафорическое, дискурс-дейктическое и рекогнитивное употребление. Все три употребления рассматриваются как производные от собственно дейктического или экзофорического употребления и являются связующим звеном в процессе грамматикализации указательных местоимений (Diessel 1999: 110). Референт анафорического дейктического местоимения — именная группа, упомянутая в предыдущем фрагменте текста. Так анафорические указательные местоимения связывают адресата с предыдущим дискурсом. Дискурс-дейксис также отсылает адресата к предыдущему дискурсу, но с той разницей, что референт дискурс-дейктического указательного местоимения не упоминается в тексте напрямую. При этом референтом может быть фрагмент текста, или некая ситуация, которая описывалась ранее, но не называлась. Наконец, рекогнитивное указательное местоимение, наоборот, не отсылает к предыдущему дискурсу, его референт — новый для дискурса, однако предполагается, что знание о нем уже есть у адресата. Рекогнитивное употребление маркирует ситуацию, в которой нарочито активизируется это знание адресата (Diessel 1999: 109). К последнему близко примыкает также отслеживающий тип, используемый для того, чтобы сконцентрировать внимание собеседника на референте (Visser 2020: 105).

Большое внимание уделено древнеиранским, в первую очередь авестийским указательным местоимениям в «Древнеиранском словаре» Х. Бартоломе и «Учебнике авестийского» Г. Райхельта, ученика Х. Бартоломе (Bartholomae 1904; Reichelt 1909). Для каждого местоимения приводятся примеры его употребления в различных контекстах, выделяются его дейктические функции соответственно представлениям о дейксисе в ту эпоху. Г. Райхельт пользуется терминологией К. Бругмана и соотносит указательные местоимения авестийского языка с каждым из четырех типов дейксиса (Reichelt 1909: 279-280). В более поздних описаниях не предпринимались попытки уточнить значения множественных указательных местоимений древнеиранских языков. Сложилась традиция разделять их в грамматиках на три серии: две «ближних» (без строгого разграничения между ними основ и функций) и одну «дальнюю» (Соколов 1961; Соколов 1979; Виноградова 2000) или не разделять на серии вовсе (Johnson 1917; Kent 1950; Beekes 1988; Kellens 1991; Martínez & de Vaan 2014). Таким образом, авестийский и древнеперсидский дейксис и указательные местоимения не получили должного внимания и нуждаются в подробном изучении.

Методология настоящей работы включает в себя анализ широкого спектра контекстов, в которых употребляются демонстративы древнеиранских языков. Однако в первую очередь мы считаем необходимым остановиться на их дейктическом употреблении. Как уже упоминалось ранее, экзофорические значения являются первичными по отношению эндофорическим — дискурсивным. Орфография авестийских примеров в работе приведена в соответствии с таковой в базе текстов индоевропейских языков TITUS (The-saurus Indogermanischer Text- und Sprachmaterialien, <https://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/iran/airan/avesta/avest.htm>). Древнеперсидский языковой материал в статье соответствует представленному в монографии Schmitt 2009, в которой древнеперсидские клино-

писные надписи даны на языке оригинала в транскрипции с переводом на немецкий язык. Перевод примеров основывается преимущественно на значениях, приведенных в той же монографии, а также в словаре Schmitt 2014.

3. Реконструкция основ указательных местоимений. Типы супплетивизма. Словоизменение

Указательные местоимения в древнеиранских языках возводятся к следующим праиранским основам³ (Эдельман 1990; Dunkel 2014):

1. *a- < и.-е. *e- или *h₁e-.

2. *ai̯- : *i- (< и.-е. *ei̯- : *i-) связаны чередованием, восходящим к праиндоевропейскому, ср. реконструированную парадигму и.-е. *h₁e- : *i- в работе Beekes 2011: 229; от этого корня образованы инновационные основы *ima- (< и.-е. *i-mó- с добавлением форманта *-m-), также основа женского рода *i̯- < и.-е. *i-h₂-.

3. *anā < и.-е. *e nó-h₁, образовано при помощи сложения основы указательного местоимения *e- и дейктической частицы *-no-. Таким же образом образовано др.-инд. указательное местоимение ближней серии в инстр.п. *enā/anéna* (Kupfer 2002: 49). Связано со ст.-слав. *онъ* 'тот', лит. *aĩs, anás* 'тот', тем не менее, степень родства неясна. Реконструкция ст.-слав. и лит. местоимений из и.-е. указательного местоимения *áno- (родственно упомянутой выше частице), приводимая Г. Дункелем, оспаривается за неимением точных когнатов в других индоевропейских языках (Dunkel 2014: 55; Peyrot 2017). В древнеиранских языках встречается только в инстр.п. ед.ч. мужского рода. Это ограничение на употребление не имеет до сих пор обстоятельного объяснения. Ср., возможно, окончание тематических основ, а также указательных местоимений др.-инд. ед.ч. инстр.п. *-ena*, которое вытесняет старый инструментальный падеж на *-ā* (Debrunner & Wackernagel 1930: 34, 498). Аналогично в хотаносакском ед.ч. инстр.п. *-āna, -ina*. Р. Э. Эммерик полагает, что такое развитие в индоиранских языках связано с распространением окончаний *n*-склонения на тематическое, ср. х.-с. им.п. *tcei'mā* : инстр.п. *tcei'māna* (ав. *čāšman-*); им.п. *balysā* : инстр.п. *balysāna* (х.-с. *balysa-*) (Emmerick 1968: 258). Основы *a-, *ai̯-, *i̯-, *ima-, *anā образуют супплетивную парадигму в авестийском и древнеперсидском.

4. *ha- : *ta- (< и.-е. *so- : *to-) также связаны чередованием, в результате которого образуют супплетивную парадигму в древнеиранских языках. Традиционно супплетивизм этих основ сводится к праиндоевропейскому разграничению одушевленности/неодушевленности, активности/неактивности, утраченному в древнеиранских языках (Семереньи 1980: 219; Эдельман 1990: 57). Сходные паттерны супплетивизма свойственны для основ всех серий указательных местоимений в древнеиранских языках. Они будут рассмотрены подробнее в этом же разделе.

5. *aiša- : *aita- происходят из сложения двух и.-е. местоименных основ *ei̯- + *só- (с внутренним сандхи), *ei̯- + *tó-. Аналогично основам *ha-, *ta- они образуют супплетивную парадигму.

6. *hāu-, *hūa-⁴ происходят из сложения и.-е. местоименной основы *só- и дейктической частицы *u-. Рефлексы и.-е. *u встречаются в ряде указательных местоимений славянских и арийских языков (ср. др.-инд. *asaú*), где они реализуются как некий дейктиче-

³ Для упрощения парадигмы ниже перечислены основы мужского и среднего родов, основы женского рода синхронно образуются преимущественно тривиально при помощи удлинения конечного гласного основы.

⁴ Только в староавестийском, иначе предлагается читать как *hau, см. (Martínez & de Vaan 2014: 20).

ский элемент (Мейе 1938: 333). В древнеиранских языках рефлексы **hāu-*, **hūa-* встречаются только в форме именительного падежа единственного числа.

7. **aūa-* также является результатом сложения и.-е. местоименной основы **e-* и дейктической частицы **éu* (полная ступень от **u*), то есть содержит тот же дейктический элемент **u* и объединяется в супплетивную парадигму с **hāu-*, **hūa-* в древнеиранских языках (ср. также ст.-слав. *ovъ*).

Древнеиранские указательные местоимения демонстрируют сразу несколько типов супплетивизма. Первый тип является наиболее распространенным и наследуется непосредственно из праиндоевропейского. В древнеиранских языках он служит морфологическим средством для обозначения родовых различий. Для древнеиранских указательных местоимений, как и для имен, выделяются три рода: мужской, средний и женский. Категория рода здесь традиционно выражена в основе. Так, основы женского рода отличаются от основ мужского и среднего родов преимущественно удлинением конечного гласного основы⁵: ср. ав. м., ср.р. *aētā-*, ж.р. *aētā-*. В то же время основы среднего рода отличаются от основ мужского и женского родов отсутствием супплетивной основы в номинативе, см. таблицы 1, 2.

Таблица 1. Супплетивизм основ указательных местоимений в младоавестийском языке, ср. Ефимов 1975: 107.

Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Им. п.	<i>aēm</i>	<i>imaṭ</i>	<i>īm</i>
Вин. п.	<i>iməm</i>	<i>imaṭ</i>	<i>iməm</i>
Им. п.	<i>hō, hā</i>	<i>taṭ</i>	<i>hā</i>
Вин. п.	<i>təm</i>	<i>taṭ</i>	<i>təm</i>
Им. п.	<i>aēša, aēšō</i>	<i>aētaṭ</i>	<i>aēšā</i>
Вин. п.	<i>aētəm</i>	<i>aētaṭ</i>	<i>aētəm</i>
Им. п.	<i>hāu, aom</i>	<i>auuaṭ</i>	<i>hāu</i>
Вин. п.	<i>aom</i>	<i>auuaṭ</i>	<i>auuəm</i>

Для древнеперсидского сходным образом:

Таблица 2. Супплетивизм основ указательных местоимений в древнеперсидском языке, ср. Brandenstein & Mayrhofer 1964: 67–68.

Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Им. п.	<i>iyam</i>	<i>ima</i>	<i>iyam</i>
Вин. п.	<i>imat</i>	<i>ima</i>	<i>imām</i>
Им. п.	<i>haṭ</i>	<i>ava, avaš-ci</i>	<i>haṭ</i>
Вин. п.	<i>avat</i>	<i>ava, avaš-ci</i>	<i>avām</i>

Основы, выделенные выше полужирным, встречаются только в им.п. ед.ч. мужского и женского родов, в то время как все остальные позиции в парадигме занимают другие основы. Поскольку супплетивизм такого типа своими корнями уходит в праиндоевро-

⁵ В системе гласных авестийского языка $\bar{a} < *a$, $\bar{q} < *ā$ перед носовыми согласными, окончание им.п. $-\bar{o} < *-ah < *-as$.

пейский, объяснение его следует искать в грамматике этого языка. Вероятно, что праиндоевропейский был языком типа *subject pro-drop*, то есть языком, в котором местоименный субъект в простом предложении опускался (Lehmann 1974: 40). Чтобы заполнить пустующую позицию местоименного субъекта, привлекалась супплетивная основа. Существуют анатолийские параллели, которые позволяют предположить, что имена среднего рода в праиндоевропейском не могли занимать позицию субъекта переходного глагола, и потому заменялись лексическими синонимами: ср. **wodor* ‘вода’ (ср.р.) и **хар-* (*h₂ep-*) ‘(текущая) вода’ (ж.р.); **nebhos* ‘(облачное) небо’ (ср.р.) и **dyēu-* ‘небо’ (м.р.) (Yakubovich 2021: 139). Исходя из данных древнеиранских, а также и других индоевропейских языков, можно заключить, что праиндоевропейские местоимения среднего рода образовывали одну падежную форму на месте форм именительного и винительного падежей в мужском-женском родах, ср. Plank 2016. По-видимому, в среднем роде существовала альтернативная стратегия кодирования актантов, в которой субъект непереходного глагола и объект переходного маркировались одним падежом. Ср. местоименные энклитики хеттского языка, которые могут занимать позиции непереходного субъекта и переходного объекта, но не допускаются в позиции переходного субъекта (Yakubovich 2021: 137).

В им.п. мн.ч. супплетивные основы, по-видимому, отсутствовали, см. Beekes 2011: 229; Karović 2017: 86. В древнеиранских языках формы указательных местоимений всех трех родов во мн.ч. им.-вин.п. образуются от одной основы. Кроме того, во всех падежах кроме им.-вин. формы среднего рода совпадают с мужским. Таким образом, собственно формы среднего рода представлены только в им.-вин.п.

В основе второго типа супплетивизма лежит разделение на прямые (им.-вин.) и косвенные падежи. В прямых падежах (кроме мужского и женского рода в им.п. ед.ч.) употребляются *ima-* основы, в то время как в косвенных — *a-* основы. Второй тип полностью доминирует во мн.ч. Наконец, третий тип заключается в том, что отдельная форма встраивается в парадигму в инстр.п. ед.ч. мужского рода. Это *ana* в парадигме местоимения *aē-/ima-/ī-/a-/ana*; также *tā* в парадигме *ha-/ta-/a-* (см. таблицы 6, 7 в приложении). Отсутствие формы *ana* в парадигме местоимения *ha-/ta-/a-* при наличии в ней форм от основы *a-* служит аргументом в пользу того, что *ana* является независимой основой и не может быть воспринята как *a-* + *na* окончание инстр.п. Два последних паттерна супплетивизма являются, по-видимому, общей индоиранской инновацией, ср. парадигму др.-инд. указательного местоимения *a-/i-/ena-* (Kupfer 2002: 49).

В древнеиранских языках противопоставляются формы единственного, двойственного и множественного числа. Число выражено флективным способом, при этом для местоимений характерна флексия, отличная от именной. Ср., например, форманты **-hm-*, **-hī-* < и.-е. **-sm-*, **-sī-* в склонении основ дательного, отложительного, местного падежей (Эдельман 1990: 59–60; Beekes 2011: 227). Двойственное число имеет наиболее бедную падежную парадигму, что является одной из предпосылок исчезновения данной категории в среднеиранский период (Молчанова 1975: 205). Так, в авестийском двойственное число засвидетельствовано для основ указательных местоимений *a-*, *ima-*, *ta-* в трех падежных формах (в ед.ч. у указательных местоимений выделяют семь падежей). Указательные местоимения в древнеперсидском не имеют форм двойственного числа.

3.1. Рефлексы **a-*, **ai-*, **ii-*, **ima-*, **anā*

Рефлексы основ **a-*, **ai-*, **ii-*, **ima-*, **anā* засвидетельствованы в качестве основ указательных местоимений в древнеперсидском и авестийском языках. В древнеперсидском

рефлексы *a-, *anā отражены в формах *ahyāyā* (местный, также родительный-дательный падежи) и *anā* (инструментальный-отложительный падежи), рефлексы *iī- — в формах именительного падежа мужского и женского рода. Формы, образованные от *ima-, засвидетельствованы для всех остальных падежей. В свою очередь, в авестийском возводимые к основам *ai-, *iī-, *ima- местоимения закреплены за именительным и винительным падежами. Рефлексы основы *a- встречаются во всех падежах, кроме именительного и винительного. Рефлексы *anā встречаются только в инструментальном падеже. Иначе в диалекте Гат, где рефлексы *ima- не представлены, в отличие от местоимений, образованных от основ *a-, *ai-, *iī-, *anā (Beekes 1988: 139).

Многочисленные примеры, где указательные местоимения *a-, *ai-, *iī-, *ima-, *anā ко-референтны, то есть разные местоимения отсылают к одному объекту, подтверждают необходимость объединения этих форм в единую супплетивную парадигму в древнеперсидском и авестийском языках (ср. также объединение рефлексов *ha-, *ta-, *a- в парадигму в подразделе 3.2). Ср. пример (1) из авестийского, где употребление рефлексов *a-, *ima-, *anā свидетельствует о таковой кореферентности. В качестве референтов видим *zaoθra-* ‘возлияние’ и *barəsmā-* ‘Барсман’. Интересующие нас рефлексы указательных местоимений и их перевод здесь и в дальнейшем выделены в тексте полужирным.

- (1) *ahmiia* *zaoθre* *imaṭ* *barəsmā* *āiiese* *yešti*
 D.N.SG.LOC libation.SG.LOC D.N.SG.ACC Baresman.SG.ACC get.PRS.1SG.MID worship.INF
ana *barəsmāna* *imat* *zaoθraṃ* *āiiese* *yešti*
 D.N.SG.INS Baresman.SG.INS D.N.SG.ACC libation.SG.ACC get.PRS.1SG.MID worship.INF
 ‘В **этом** возлиянии **этот** Барсман заполучаю поклонением, **этим** Барсманом **это** возлияние заполучаю поклонением’ (Y.2.1).

Аналогично в древнеперсидском (2), где в качестве референта указательных местоимений *ahyāyā* и *imat* видим *dipi-* ‘надпись’.

- (2) *ava* *ahyāyā* *dipiyā* *naṅ* *nipištām* *avahya* =*rādī* *naṅ*
 D.N.SG.NOM D.F.SG.LOC inscription.SG.LOC NEG write.PPRT.N.SG.NOM D.N.SG.DAT =RSN NEG
nipištām *mā* *taya* *haya* *aparam* *imām* *dipim*
 write.PPRT.N.SG.NOM NEG REL.N.SG.NOM REL.M.SG.NOM afterward D.F.SG.ACC inscription.SG.ACC
patiprṣāti *avahyā* *paru* *ḍadayāti* *taya* =*manā* *kṛtam*
 read.SUBJ.3SG.ACT D.SG.DAT much seem.SUBJ.3SG.ACT REL.N.SG.NOM =1SG.GEN do.PPRT.N.SG.NOM
naṅ =*šim* *ima* *vṛnavātaṅ* *duruxtām* *maniyātaṅ*
 NEG =3SG.M.ACC D.N.SG.ACC convince.SUBJ.3SG.MID lie.PPRT.N.SG.NOM believe.SUBJ.3SG.MID
 ‘То не было написано в **этой** надписи; для того (затем) не было написано, чтобы, кто потом прочтет **эту** надпись, тому не показалось, что мною сделано слишком много, чтобы (не получилось так, что) его это не убедит (и он) сочтет, что я солгал’ (DB § 58).

За этой группой указательных местоимений прочно закреплено значение ближнего дейксиса. В контекстах близости к говорящему, а также в контекстах противопоставлений близкое ≠ далекое употребляются местоимения этой группы. Ср. примеры (3, 4) из авестийского языка и пример (5) из древнеперсидского. Во всех этих примерах при указании на удаленные объекты всегда употребляется местоимение ав. *aiiua-*, др.-перс. *ava-*. Отметим факт противопоставления *aē-/ima-/ī-/a-/ana* ≠ *aiiua-*.

- (3) *niuiāēdaiiēti* *haṅkārāiēti* <...> *aiiḥāscā* *zəṃō* *aiiuiāiḥēca* *ašṇō*
 announce.PRS.1SG.ACT carry out.PRS.1SG.ACT D.F.SG.GEN earth.SG.GEN D.M.SG.GEN heaven.SG.GEN
 ‘Я возвещаю (и) провожу (эту Ясну) ... для **этой** земли, для **тех** небес’ (Y.1.16).

- (4) *upa kuua =ciṭ aiṅhā zətmō <...> upa auue*
 upon where =EMPH D.F.SG.GEN earth.SG.GEN upon D.M.PL.NOM
starō yōi haptōiringa
 star.PL.NOM REL.M.PL.NOM Haptoiringa.PL.NOM

‘Во всяком месте **этой** земли ... где **те** звезды Хапторинг ...’. (Yt.12.22, 28).

- (5) *baga vazrka auramazdā haya avam asmānam*
 god.SG.NOM great.M.SG.NOM Ahuramazda.SG.NOM REL.M.SG.NOM D.M.SG.ACC sky.SG.ACC
adā haya imām būmīm adā
 create.IMF.3SG.ACT REL.M.SG.NOM D.F.SG.ACC earth.SG.ACC create.IMF.3SG.ACT

‘Ахурамазда, великий бог, который создал **то** небо, который создал **эту** землю’ (DZc § 1).

Отдельно необходимо отметить употребление указательных местоимений этой серии в перформативных контекстах. Перформативное высказывание предполагает равноценность высказывания действию. Перформативное высказывание не является строго дейктическим, его можно отнести к эндофорическому дейксису. Пример такого эндофорического употребления указательного местоимения приводит в своей работе Э. Кёниг:

- (6) *I hereby promise you never to touch hard drinks again*

‘Настоящим я обещаю тебе никогда больше не прикасаться к крепким напиткам’ (König 2020: 38).

В примере (6) указательное местоимение английского языка *hereby* маркирует перформативный контекст. В таких контекстах в авестийском языке употребляется местоимение *ana*; возможно, и другие местоимения ближней серии следует интерпретировать таким образом (ср. примеры 7, 8). Ср. также перформативные высказывания с указательными местоимениями в русском языке: *Сим я провозглашаю мир!*; *Это — священные слова.*

- (7) *ana buiīā zauuanō.sāsta*
 D.N.SG.INS become.OPT.2SG.ACT invoke.NOM.SG.F
ana buiīā huiīaštata
 D.N.SG.INS become.OPT.2SG.ACT good praise.PPRT.CMP.NOM.SG.F

‘Да будешь ты **сим** призванной, да будешь ты **сим** самой почтенной’ (Yt.5.9).

- (8) *imāsə tē haoma gāḍā <...>*
 D.F.PL.NOM 2SG.GEN Haoma.SG.VOC Gatha.PL.NOM
ime haṅti aršuxda vācō
 D.M.PL.NOM COP.PRS.3PL.ACT straight spoken.M.PL.NOM word.PL.NOM

‘**Се** — твои Гаты, о Хаома ... **се** — правдивые слова’ (Y.10.18).

Следует упомянуть и об употреблении местоимений, образованных от основы *a-* в анафорическом значении, а также производном от него значении личного местоимения 3-го лица в авестийском. В существующих описаниях упоминается притяжательное значение форм ед.ч., род.п. м.р. *ahe, aiṅhe* (Martínez & de Vaan 2014: 72). Помимо этого, образованное от основы *a-* местоимение 3-го лица употребляется и в других формах, как в примере (9). Ср. также примеры (11, 12).

- (9) *spəntaṭ haca maniiəoṭ zaraḍuštra aēšəm*
 holy.M.SG.ABL from spirit.SG.ABL Zarathustra.SG.VOC D.M.PL.GEN
ciḍrəṃ vahištāṭ =ca manəḥaṭ
 appearance.PL.NOM best.N.SG.ABL =CONJ thought.SG.ABL

О творец! Где пребывают умерших души, Фраваши святые? У святого духа, о Заратуштра, их проявления, у лучшей мысли’ (H.2.40).

3.2. Рефлексы **ha-*, **ta-*

В древнеперсидском языке непосредственно от основ **ha-*, **ta-* не образуется указательных местоимений. Однако от этих же основ образуются путем сложения относительные местоимения *haya-/taya-* < и.-е. **só h₂jo-/tó h₂jo-* (Dunkel 2014: 738). При этом сохраняется супплетивная парадигма, см. таблицу 3.

Таблица 3. Относительные местоимения древнеперсидского языка им.-вин.п. (Brandenstein & Mayrhofer 1964: 71).

Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Им. п.	<i>haya</i>	<i>taya</i>	<i>hayā</i>
Вин. п.	<i>tayam</i>	<i>taya</i>	<i>tayām</i>

В авестийском рефлексы **ha-*, **ta-* засвидетельствованы в качестве указательных местоимений. Как в младоавестийском, так и в диалекте Гат они встречаются в формах именительного, винительного и инструментального падежей (Beekes 1988: 140). Указательные местоимения *ha-*, *ta-* употребляются в авестийском языке в анафорических контекстах, ср. примеры (10, 11). Они также засвидетельствованы в контекстах катафоры, как в примере (12). Вероятно, следует видеть в примере (12) также дискурсивную (временную) анафору.

(10) *frōit̥ =mē taṭ nāma framrūidi*
 well =1SG.GEN D.N.SG.ACC name.SG.ACC speak.IMP.2SG.ACT
ašāum ahura mazda
 righteous.M.SG.VOC Ahura.SG.VOC Mazda.SG.VOC
 «Наше имя, о Спитама Заратуштра ... оно самое действенное»: 'Промолви мне **это** имя, о праведный Ахура Мазда' (Yt.1.5).

(11) *tūm tā aēibiō xšaiiamna*
 2SG.NOM D.N.PL.ACC D.M.PL.DAT possess.MPRT.NOM.SG.F
nisirinauuāhi arəduuī sūre anāhite
 give over.SUBJ.2SG.ACT Ardvī.SG.VOC Sura.SG.VOC Anahita.SG.VOC
 «Девы с чревом бесплодным, жаждущие господина, будут просить у тебя сильного мужа; женщины, находящиеся на пороге рождения, будут просить у тебя хороших родов»: 'Ты все **это** им, имея, воздашь, о Ардви Сура Анахита!' (Yt.5.87).

(12) *hā ahmāi ašiš arənāuuī taṭ ahmāi*
 D.F.SG.NOM D.M.SG.DAT reward.SG.NOM get.INJ.3SG.PASS D.N.SG.NOM D.M.SG.DAT
jasat̥ āiaptəm yaṭ =hē puθrō us.zaiiata
 come.INJ.3SG.ACT boon.SG.NOM REL.N.SG.NOM =3SG.GEN son.SG.NOM born.INJ.3SG.MID
 'Такая ему награда досталась, такой к нему пришел дар: у него родился сын' (Y.9.7).

Анафорические указательные местоимения *ha-*, *ta-* грамматикализовались также в значении личного местоимения 3-го лица. Личные местоимения 3-го лица в древнеиранских языках представлены только в энклитической форме в косвенных падежах, см. парадигму для авестийского языка (Виноградова 2000: 25). Полная форма личного местоимения 3-го лица соответствует формам указательных местоимений *ha-*, *ta-* как в примере (13) или форме указательного местоимения *a-* (в тех падежах, где у *ha-*, *ta-* отсутствует косвенная форма), как в примерах (11, 12). Таким образом, можно говорить об

ещё одной супплетивной парадигме анафорического местоимения (= личное местоимение 3-го лица) *ha-/ta-/a-*, где формы именительного, винительного и инструментального падежей местоимений *ha-*, *ta-* дополняются формами, образованными от *a-* в остальных косвенных падежах, см. таблицу 7 в приложении. Ср. также примеры употребления *a-* в подразделе 3.1. О грамматикализации анафорического местоимения в личное местоимение 3-го лица см. (Diessel 1999: 119–120).

- (13) *sraoṣṭō* *aṣiiō* <...> *hō*
 Sraosha.SG.NOM holy.M.SG.NOM D.M.SG.NOM
vərəθraja *drujəm* *jaγništō*
 victorious.M.SG.NOM Druj.SG.ACC smashing.SUP.M.SG.NOM
 ‘Святой Сраоша ... **он** побеждающий, разбивающий Друдж’ (Yt.11.3).

Г. Райхельт указывает на употребление *ha-*, *ta-* в контексте ближнего дейксиса, см. примеры (14, 15) (Reichelt 1909: 283). Действительно, в примере (14) встречается противопоставление *ha-* ≠ *hāu*. В то же время мы не склонны видеть в этом единичном случае экзофорическое употребление *hō*, так как в тексте присутствует очевидная анафора. В V.22.1 (пример 15) *taṭ nmānəm* на первый взгляд употребляется не анафорически, ведь с этого фрагмента начинается текст. Однако тот же фрагмент V.22.1 повторяется еще в двух местах в тексте (V.22.8, 22.14), и там уже анафора присутствует — в предыдущих перед этими двумя стихами видим *nmānəm* в (V.22.7, 22.13). Значит, V.22.1 (15) — это вырванный из контекста фрагмент, фактически ставший формулой, которая по недоразумению оказалась на первом месте в тексте.

- (14) *hāu* =ca *aiiā* *narā* *vohu* *manō*
 D.SG.NOM =CONJ D.M.DU.GEN man.DU.GEN good.N.SG.ACC thought.SG.ACC
jāgərəbuštarō *aṅhaṭ* *yō* *gəuš* *uruθbarə*
 grab.APRT.CMP.SG.NOM COP.SUBJ.3SG.ACT REL.M.SG.NOM cow.SG.GEN abdomen.SG.ACC
ḥəm.pāfrāiti *yaθa* *hāu* *yō* *nōiṭ* *iθa* *hō*
 fill.SUBJ.3SG.ACT REL.ADV D.SG.NOM REL.M.SG.NOM NEG thus D.M.SG.NOM
aspərənō.mazō *upamərətō* *hāu* *aspərənō.mazō*
 worth of Asperena.SG.NOM almost dead.M.SG.NOM D.SG.NOM worth of Asperena.SG.NOM
 ‘Тот из этих двух человек лучше обретает Воху Мано, кто наполняет живот (мясом) быка, чем тот, кто не делает этого; он — практически мертв; тот же (выше его на) величину Асперены’ (V.4.48).

- (15) *azəm* *yō* *ahurō* *mazdā*
 1SG.NOM REL.M.SG.NOM Ahura.SG.NOM Mazda.SG.NOM
 <...> *yasə* *taṭ* *nmānəm* *ākərənəm*
 REL.M.SG.NOM D.N.SG.ACC house.SG.ACC create.IMF.1SG.ACT
 ‘Я Ахура Мазда, ... сотворил этот дом’ (V.22.1)

Ср. также единичный пример, где *taṭ* появляется в контексте указания на объект близкий к адресату (16). Ср. с примерами (17, 18, 19), где в контексте среднего дейксиса употребляется указательное местоимение *aēša-/aēta-*. Нехарактерное употребление такого рода можно объяснить совпадением нескольких контекстов, ведь налицо также пример анафоры. Вероятно, и здесь *taṭ* употребляется в анафорическом значении.

- (16) *xšaθrəm* *ahurāi* *cinasti*
 kingdom.SG.ACC Ahura.SG.DAT acknowledge.PRS.3SG.ACT

taṭ mazda =tauua xšaθrəm
 D.N.SG.NOM Mazda.SG.VOC =2SG.GEN kingdom.N.SG.NOM

‘Он царство Ахуре причисляет: “**Это**, о Mazda, твое царство!” ’ (Y.19.14).

3.3. Рефлексы *aiša-, *aita-

Рефлексы этих основ засвидетельствованы в полном объеме в авестийском (только в младоавестийском диалекте), а в древнеперсидском только в форме именительно-винительного падежа (Schmitt 2014). В диалекте Гат они не встречаются, что, впрочем, может быть чистой случайностью (Beekes 1988: 139), тогда как в младоавестийском они встречаются во всех падежах.

В работе (Martínez & de Vaan 2014: 74) высказано предположение о том, что в младоавестийском диалекте формы *aēša-*, *aēta-* постепенно вытеснили формы *ha-*, *ta-*, от которых были образованы — ведь последние встречаются только в именительном, винительном и инструментальном падежах, а формы *aēša-*, *aēta-* представлены полной парадигмой. Однако в диалекте Гат основы *ha-*, *ta-* зафиксированы в тех же трех падежах (Beekes 1988: 139). Неизвестно, были ли представлены в нем другие формы, однако такое совпадение наводит на мысль о том, что других падежных форм *ha-*, *ta-* могло не быть вовсе. Когнаты *aēša-*, *aēta-* представлены в том числе и в древнеиндийском как *esá-*, *etá-*, см. Maughofer 1992: 272. Таким образом, отсутствие их в диалекте Гат говорит скорее об утрате в нем этих основ, а не об инновации в младоавестийском.

В авестийском *aēša-/aēta* в составе супплетивной парадигмы употребляется в контекстах среднего дейксиса, т. е. указания на область, близкую адресату (в том числе психологически). Ср. примеры (17, 18, 19) из трех различных текстов традиции. Указанные контексты не являются анафорическими, референты *aēša-/aēta* можно назвать близкими адресату, значит, указанные контексты являются с большой долей вероятности контекстами среднего дейксиса.

(17) *fratarōtaire gātuuō nišāḍaiiōiš aēta humata aēta*
 eminent.CMP.M.SG.LOC place.SG.LOC seat.OPT.2SG.ACT D.N.SG.INS good think.PPRT.SG.INS
hūxta aēta huuaršta
 D.N.SG.INS good say.PPRT.SG.INS D.N.SG.INS good do.PPRT.SG.INS

«Сознание праведника говорит душе праведника»: ‘Ты усадил (меня) на более выдающееся место (твоими) **этими** добрыми мыслями, **этими** добрыми словами, **этими** добрыми делами’ (H.2.14).

(18) *xvarata narō aētəm miiazdəm yōi =dim*
 eat.IMP.2PL.ACT man.PL.VOC D.M.SG.ACC Myazda.SG.ACC REL.M.PL.NOM =3SG.M.SG.ACC
hanhāna ašā =ca frərati =ca
 deserve.MPRT.PL.NOM righteousness.SG.INS =CONJ fervor.SG.INS =CONJ

‘Вкушайте, мужчины, **эту** Мязду, кто из вас есть заслужившие её праведностью и рвением’ (Y.8.2).

(19) *sraoṣō ašiiō drujim apərəsaṭ <...>*
 Sraosha.SG.NOM holy.M.SG.NOM Druj.SG.ACC ask.IMF.3SG.ACT
kō =tē aētaēšəm aršnam paoiriō
 Q.M.SG.NOM =2SG.GEN D.M.PL.GEN man.PL.GEN first.M.SG.NOM

‘Святой Сраоша у Друдж спросил: «Кто из **этих** твоих мужчин первый?» ’ (V.18.33).

В эндофорических контекстах *aēša-/aēta-* встречается как дейктическое местоимение предшествующего дискурса — это дискурс-дейктическое употребление (20).

- (20) *kaṭ* *aētahe* *paiti varšta* *šiiəoθna*
 Q.N.SG.NOM D.M.SG.GEN for perform.PPRT.N.PL.ACC deed.PL.ACC
ciciθβā *azaēta*
 know.PF.APRT.M.SG.NOM counteract.OPT.3SG.MID

Сначала следует описание злодеяния. Затем Заратуштра спрашивает Ахурамазду: ‘Как совершенные деяния **этого (рода)** он, знающий (о совершенном), испулит?’ (Yt.18.68).

Многочисленные повторы *aēša-/aēta-* в отдельных фрагментах позволяют зафиксировать также отслеживающее употребление этого местоимения. Если в случае рекогнитивного употребления указательное местоимение встречается в тексте однократно и вводит референта в дискурс, то отслеживающий тип обозначает употребление такого местоимения при каждом следующем появлении референта в дискурсе (Visser 2020: 105).

Проиллюстрируем такое употребление примером из текста Зам-Яшта (Yt.19). Со стиха 19.45 начинается фрагмент текста, посвященный борьбе за Хварно огня и змея. Здесь первый раз во фрагменте упоминается Хварно (21):

- (21) *uyrəm* *axvarətəm* *xvarəṇō*
 mighty.N.SG.ACC unseizable.N.SG.ACC Khvarenah.SG.ACC
mazdaḍātəm *yazamaide* <...>
 by Mazda create.PPRT.N.SG.ACC worship.PRS.1PL.MID
 ‘Мощное неуловимое Хварно, сотворенное Маздой мы почитаем ...’ (Yt.19.45)

Затем следует отступление, после которого нам напоминают, что было такое Хварно. Здесь уже с указательным местоимением *aēta-* (22):

- (22) *aētaṭ* *xvarəṇō* *haṅgərəfšāne* *yaṭ* *axvarətəm*
 D.N.SG.ACC Khvarenah.SG.ACC capture.SUBJ.1SG.MID REL.N.SG.ACC unseizable.N.SG.ACC
 Так думал огонь Ахура Мазды: ‘**Это** Хварно неуловимое я захвачу’ (Yt.19.47).

Все следующие вхождения *xvarəṇō* в этом фрагменте также с указательным местоимением *aēta-* (23, 24, 25):

- (23) *yezi aētaṭ* *niiāsāṅhe* *yaṭ* *axvarətəm* *frā θβəm*
 if D.N.SG.ACC capture.SUBJ.2SG.MID REL.N.SG.ACC unseizable.N.SG.ACC PVB 2SG.ACC
 =*paiti apāθa* <...>
 =against put an end.PRS.1SG.ACT

Огонь обращается к змею: ‘Если ты захватишь **это** (Хварно) неуловимое, я уничтожу тебя ...’ (Yt.19.48)

- (24) *aētaṭ* *xvarəṇō* *haṅgərəfšāne* *yaṭ* *axvarətəm*
 D.N.SG.ACC Khvarenah.SG.ACC capture.SUBJ.1SG.MID REL.N.SG.ACC unseizable.N.SG.ACC
 Тогда уже змей думает: ‘**Это** Хварно неуловимое я захвачу’ (Yt.19.49)

- (25) *aētaṭ* *xvarəṇō* *frapīnuuata* *aiui zraiio* *vouru.kaṣəm*
 D.N.SG.NOM Khvarenah.SG.NOM fall down.INJ.3SG.MID into sea.SG.ACC Vouru Kasha.SG.ACC
 И в итоге Хварно не достается ни тому, ни другому: ‘Упало **это** Хварно в море Вору-Каша’ (Yt.19.51).

Таким образом, указательное местоимение *aēta-* атрибутивно или субстантивно употребляется в значении отслеживающего дейксиса в Yt.19.47–51. Различные контексты употребления указывают на то, что это — не экзофорическое употребление. Отслеживающий дейксис маркирует референта, за которым должно быть закреплено внимание адресата. В этом фрагменте текста как раз Хварно, переходящее из рук в руки, является объектом нашего интереса, на что указывает в том числе употребление указательного местоимения *aēta-*.

Употребление др.-перс. *aita-*, когната авестийского *aēta-*, также связано с отдельным типом эндофорического дейксиса. В немногочисленных примерах (26, 27) употребление *aita-* обусловлено указанием на элемент из предыдущего дискурса, в тексте прямо не названный — это дискурс-дейктическое употребление указательного местоимения. Контекстов, где *aita-* употреблялось бы в ином значении, нами засвидетельствовано не было. Так, вероятно, в столь узком употреблении сохранился в древнеперсидском языке рефлекс древнеиранского **aita-*.

(26) *antar aitā dahyāva tayaṅ upari nipištā ayauda*
among D.F.PL.ACC country.PL.ACC REL.N.PL.NOM above write.PPRT.F.PL.NOM riot.IMF.3SG.ACT
'Среди **эти**х стран, описанных выше, (одна) пребывала в волнении' (XPh § 4).

(27) *mām auramazdā pātu hacā gastā utā =maṅ*
1SG.ACC Ahuramazda.SG.NOM protect.IMP.3SG.ACT from evil.SG.ABL CONJ =1SG.GEN
viṣam utā imām dahyāuṃ aita adam auramazdām
house.SG.ACC CONJ D.F.SG.ACC country.SG.ACC D.N.SG.ACC 1SG.NOM Ahuramazda.SG.ACC
jadyāmi aita =maṅ auramazdā dadātu
ask.PRS.1SG.ACT D.N.SG.ACC =1SG.DAT Ahuramazda.SG.NOM give.IMP.3SG.ACT
'Да защитит Ахурамазда от зла меня и дом мой, и страну эту; **это** я прошу у Ахурамазды; **это** пусть даст мне Ахурамазда' (DNa § 5).

3.4. Рефлексы **aṇa-*, **hāu-*, **hṇa-*

Местоимения **aṇa-*, **hāu-*, **hṇa-* содержат в себе дейктический элемент **u*. Как в авестийском, так и в древнеперсидском языке рефлексы **hāu-*, **hṇa-* встречаются только в форме именительного падежа мужского — женского родов. Они образуют супплетивную парадигму с рефлексами **aṇa-*. Ср. сходное распределение супплетивных основ в парадигме *aēša-/aēta-* в подразделе 3.3.

Типичным экзофорическим употреблением рефлексов этих основ является указание на объект, удаленный как от говорящего, так и от адресата. В примерах выше (3, 4, 5, 14) уже освещалось противопоставление рефлексов **aṇa-*, **hāu-* местоимениям ближнего дейксиса. Ср. также пример (28) из авестийского без такого противопоставления, где референты *aiiua-* и *hāu* — также удаленные объекты.

(28) *anusō zī spitama zaraḍuštara aēša yā*
unwillingly for Spitama.SG.VOC Zarathustra.SG.VOC D.F.SG.NOM REL.F.SG.NOM
paiti.irista auuaṅ huuarə ā.tāpaite anusō
pollute.INJ.3SG.MID D.N.SG.NOM sun.SG.NOM shine.PRS.3SG.MID unwillingly
hāu mā anusō aiue stārō
D.M.SG.NOM moon.SG.NOM unwillingly D.M.PL.NOM star.PL.NOM
'Невольнo, ведь, о Спитама Заратуштра, эта [Друдж Насу], которая осквернила, [на неё] **то** солнце светит, невольнo **та** луна, невольнo **те** звезды' (V.9.41).

Однако дейктическое употребление рефлексов **aṣa-* этим не исчерпывается. В ряде контекстов как древнеперсидского, так и авестийского языка у **aṣa-* встречается значение среднего дейксиса, описанное выше на примерах (18, 19, 20) для *aēša-/aēta-*.

Ср. примеры (30, 31) из авестийского языка. В примере (30) *varō* ‘Вар’ согласуется с указательным местоимением *aiuuat̥*, когда речь идет об объекте, близком к адресату (тому, кто этот Вар приготовил). В том случае, когда говорящим становится готовивший Вар, употребляется местоимение *imat̥* (31).

- (30) *aētaṭ̥ =tē jasāni aiuuṇhe azəm yō ahurō*
 D.ADV =2SG.DAT come.SUBJ.1SG.ACT help.SG.DAT 1SG.NOM REL.M.SG.NOM Ahura.SG.NOM
mazdā aiui aiuuat̥ varō uzdātəm
 Mazda.SG.NOM to D.N.SG.ACC Var.SG.ACC prepare.PPRT.N.SG.ACC
 ‘Тогда я, Ахура Мазда, приду на помощь тебе, к **этому** приготовленному (тобой) Вару’ (Yt.12.4).

- (31) *uruuaθqm =ciṭ zbaiieti aiui imat̥ varō uzdātəm*
 friend.SG.ACC =EMPH invoke.PRS.1SG.ACT to D.N.SG.ACC Var.SG.ACC prepare.PPRT.N.SG.ACC
 ‘Призываю (его, Рашну) другом к **этому** приготовленному (мною) Вару’ (Yt.12.5).

В отличие от ряда сходных контекстов для *aēša-/aēta-*, нам удалось засвидетельствовать только один бесспорный контекст среднего дейксиса для *aiui-* в авестийском языке, в тексте Рашн-Яшта (30). Возможно, тому виной общая скудность контекстов среднего дейксиса в авестийских текстах. Мы также можем предположить, что за выбором демонстратива *aēša-/aēta-* или *aiui-* в контекстах среднего дейксиса стоят диалектные различия, причем диалект, выбирающий стратегию *aiui-*, хуже отражен в Авесте. Нельзя исключить и искажение текста Яшта. Рашн-Яшт почти целиком состоит из повторов ритуальных формул и плохо сохранился, так что проследить употребление демонстративов в нем в целом затруднительно.

Сходным образом и в древнеперсидском языке засвидетельствовано употребление *ava-* в отношении референта, близкого собеседнику, ср. примеры (32, 33). Более того, не лишено основания утверждение, что *ava-* в древнеперсидском — единственное указательное местоимение для обозначения среднего дейксиса. По крайней мере, так обстоит дело для тех немногих контекстов обращения к собеседнику, которые отражены в древнеперсидском корпусе. Если это так, то руководствуясь теорией синкретизма дейктических значений (Lander & Haegeman 2018), возможно постулировать синкретизм значений среднего и дальнего дейксиса для древнеперсидского языка. Это означает, что, хотя указательные местоимения в языке и представлены двумя сериями, противопоставленными по удаленности, употребление местоимения *ava-* шире, используя также в контекстах среднего дейксиса.

- (32) *utā taya kunavāhi ava =taj*
 CONJ REL.N.SG.ACC make.PRS.2SG.ACT D.N.SG.ACC =2SG.DAT
auramazdā ucāram kunaṭtu
 Ahuramazda.SG.NOM successful.N.SG.ACC make.IMP.3SG.ACT
 ‘И что ты делаешь, **то** тебе Ахурамазда пусть сотворит успешным’ (DB § 66).

- (33) *avaš =ci āxšnudi taya paratar ḡanhyāti*
 D.N.SG.ACC =EMPH hear.IMP.2SG.ACT REL.N.SG.ACC beyond-that is-stated.SUBJ.3SG.ACT
 ‘**То** услышь, что помимо этого сказано’ (DNb § 11).

Эндофорическое употребление рефлексов **aça-*, **hāu-* также представлено в текстах Авесты и надписях ахеменидских царей. Ср. пример (34), где *aiia-* употребляется катафорически, при этом катафора выступает здесь также во временном значении. То есть *aiiaṭ* относится к тому референту, который означает некоторое возможное будущее событие. Ср. примеры из русского языка: **Я прошу об этом, чтобы завтра я мог восславить Ахурамазду*⁶ и *Я прошу о том, чтобы я завтра мог восславить Ахурамазду*.

- (34) *aiiaṭ* *āiiaptəm* *dazdi* =*mē* *ašiš* *vaṇuhi*⁷
D.N.SG.NOM boon.SG.NOM give.IMP.2SG.ACT =1SG.GEN Asha.SG.NOM good.F.SG.NOM
yā *bərəzaiti* *yaṭ* *baiiāni* *aiβi.vaniiā*
REL.F.SG.NOM grow-high.PRS.3SG.ACT REL.N.SG.NOM become.SUBJ.1SG.ACT victorious.M.SG.NOM
vīspe *daēuiia* *māzaniia* <...> *pairi.tacaṭ* *pairi.jasaṭ*
all.M.PL.ACC Daeva.PL.ACC giant.PL.ACC run-near.INJ.3SG.ACT approach.INJ.3SG.ACT
ašiš *vaṇuhi* *yā* *bərəzaiti* *vīndāṭ*
Asha.SG.NOM good.F.SG.NOM REL.F.SG.NOM grow-high.PRS.3SG.ACT obtain.INJ.3SG.ACT
təm *yānəm* *Haošiiānhō* *Paradātō*
D.M.SG.ACC gift.SG.ACC Haoshyangha.SG.NOM Paradhata.SG.NOM
‘**Такой** дар, прошу, дай мне, о Аша высокая, чтобы я стал побеждающим всех дэвов-великанов ... Примчалась Аша прекрасная, высокая, и получил тот дар Хаошьянха Парадата’ (Yt.17.25–26).

Ср. также анафорическое употребление со значением временной анафоры (35), противоположное катафоре в примере (34):

- (35) *ciṭ* *aiiaṭ* *vacō* *ās* *ahura*
what.N.SG.NOM D.N.SG.NOM word.SG.NOM COP.INJ.3SG.ACT Ahura.SG.VOC
mazda *yaṭ* =*mē* *frāuiiaocō*
Mazda.SG.VOC REL.N.ACC.SG =1SG.DAT proclaim.INJ.2SG.ACT
‘Что **то** было за слово, о Ахура Mazda, которое ты мне изрёк?’ (Y.19.1).

Что касается употребления *haṭ* в древнеперсидском языке, оно за исключением нескольких примеров субстантивно; *haṭ* практически завершило переход из разряда указательных местоимений в личное местоимение 3-го лица единственного числа, ср. (36).

- (36) *utā* 1 *martiya* *bābiruviya* *nadintabaṭra* *nāma*
CONJ one man.SG.NOM Babilonian.SG.NOM Nadintabaira.SG.NOM name.SG.ACC
aiṇairahyā *puça* *haṭ* *udapatatā* *bābiraṭ*
Aniri.SG.GEN son.SG.NOM D.M.SG.NOM rebel.IMF.3SG.MID Babilon.SG.LOC
‘И один муж, вавилонянин по имени Надинтабайра, сын Анири; он восстал в Вавилоне’ (DB § 16).

При этом во всех атрибутивных примерах данное указательное местоимение демонстрирует рекогнитивное употребление. В примере (37) *haṭ* употребляется атрибутивно и не имеет референта в предшествующем дискурсе фрагмента (Фраорт в тексте вообще упоминается впервые). Оба этих условия — основные для определения рекогнитивного дейксиса (Diessel 1999: 105–107).

⁶ * здесь означает, что, если *об этом* является вершиной относительной клаузы *чтобы завтра я мог восславить Ахурамазду*, то предложение под * неграмматично.

⁷ По-видимому, следует читать *vaṇ^hhi-* (Martínez, de Vaan 2014: 58), о чем говорит также нулевое окончание в номинативе в примере (34).

- (37) *hau fravartiš haya mādaī xšāyaθiya*
 D.M.SG.NOM Fraortes.SG.NOM REL.M.SG.NOM Media.SG.LOC king.SG.NOM
 ‘Тот Фраорт, который царь в Мидии’ (DB § 31).

Итак, нам удалось выявить основные типы употребления демонстративов, которые встречаются в текстах Авесты (кроме текстов Гат и Ясны Хаптанхаити) и древнеперсидских царских надписей. Несомненно, встречаются исключения и расхождения, и их не всегда легко объяснить. Тем не менее, к этим типам сводится большинство употреблений указательных местоимений в обсуждаемом корпусе, что будет рассмотрено более подробно на примере двух избранных текстов авестийской традиции в разделе 4.

4. Употребление указательных местоимений в текстах Ардвисур-Яшта (Yt.5) и Хадохт-Наска (H)

В тексте Абан-Яшта или Ардвисур-Яшта (Yt.5) насчитывается 132 стиха. В нем также содержится множество повторов, обеспеченных главным рефреном — жертвоприношением и просьбой к Ардвисуре Анахите одного из героев (или злодеев), затем её согласием или отказом. Единственная крупная вставка, прерывающая череду почти непрерывных обращений — это фрагмент Yt.85-96. Такая структура текста обеспечивает множество идентичных или почти идентичных употреблений указательных местоимений. В частности, *taṃ, taṭ, ana, auiuaṭ, ahmāi* повторяются многократно.

Всего указательных местоимений в тексте Яшта: 32 от основы *a-*; 6 от основы *ima-*; 62 от основы *ana*; 119 от основы *ha-/ta-*; 6 от основы *aēša-/aēta-*; 50 от основы *uiua-*. В их число не вошли при подсчете наречные формы на *-aṭ* и *-θa*: *āaṭ* ‘так, тогда, затем’ (образовано от *a-*), также *uiuauiuaṭ* ‘такой, столько’ (образовано от *uiua-*).

Местоимения основы *a-* употребляются в контекстах ближнего дейксиса и ограниченно (Yt.5.4 = 5.102, Yt.5.5) в анафорических; также в значении личного местоимения 3-го лица (*ahmāi, aēibiīō*) см. выше примеры (11, 12). Анафорическое употребление *aēšqm, aiñhāscā* в примерах (38, 39) продиктовано отсутствием формы родительного падежа множественного числа у местоимения *ha-, ta-* (сходным образом для форм личного местоимения 3-го лица).

- (38) <...> *yeñhe hazayrəm vairiianqm hazayrəm apayžāranqm*
 REL.F.SG.LOC thousand.SG.NOM lake.PL.GEN thousand.SG.NOM inflow.PL.GEN
kasciṭ =ca aēšqm vairiianqm kasciṭ =ca aēšqm apayžāranqm
 INDEF.M.SG.NOM =CONJ D.M.PL.GEN lake.PL.GEN INDEF.M.SG.NOM =CONJ D.M.PL.GEN inflow.PL.GEN
caθbarə.satəm aiiarə.baranqm huuaspaī naire barəmnāi
 forty.SG.NOM day ride.PL.GEN good horse.M.SG.DAT man.SG.DAT carry.MPRT.M.SG.DAT
 ‘...у которого тысяча заливов, тысяча притоков, и каждый из этих заливов, и каждый из этих притоков — в сорока сутках езды всаднику на хорошей лошади несущемуся’ (Yt.5.4).

- (39) *aiñhāscā =mē⁸ aēuiuañhā āpō*
 D.F.SG.GEN =1SG.DAT one.F.SG.GEN river.SG.GEN
 ‘этой одной реки’ (Yt.5.5).

⁸ В. И. Абаев утверждает, что *mē* здесь употребляется в значении *dativus ethicus* в речи рассказчика (Абаев 2016: 92). Альтернативная трактовка заключается в том, что в стихе все же представлена речь самой

Употребление *ana* обусловлено контекстами перформативных высказываний, преимущественно с одним и тем же контекстом, повторяющимся на протяжении всего текста (Yt.5.9, 5.11, 5.13, 5.15 и т. д.), см. пример (7). Местоимения от основы *ha-/ta-* широко представлены в тексте в разных формах (*hō, hā, taṃ, taṭ, tā, tē*) в контекстах анафоры (в том числе дискурсивной), а также в качестве местоимения 3-го лица, не всегда по смыслу отличного от анафорического местоимения, см. примеры (11, 40, 41, 42). В примере (42), как и в (16) анафорическое местоимение *ha-, ta-* употребляется при передаче прямой речи.

(40) *hō* *auuaḡa* *vazata* *θri.iiarəm* *θri.xšaparəm*
D.M.SG.NOM D.ADV fly.INJ.3SG.MID three days.SG.ACC three nights.SG.ACC
'Он так носился три дня и три ночи' (Yt.5.62).

(41) *hā* =*hē* *bāzauua* *gəuruuiaiṭ* *moṣu*
D.F.SG.NOM =3SG.GEN arm.DU.ACC take up.INJ.3SG.ACT quickly
taṭ *ās* *nōiṭ darəγəm*
D.N.SG.NOM COP.INJ.3SG.ACT NEG long
'Она его на руки взяла; быстро то было, не долго' (Yt.5.65)

(42) <...> *uiti vacābiš* *aojanō:* *tā* *bā*
 thus word.PL.INS speak.MPRT.M.SG.NOM D.N.PL.NOM indeed
aša *tā* *aršuxda*
truthful.N.PL.NOM D.N.PL.NOM straight-spoken.N.PL.NOM
'...так словами говоря: это правдивые, это правильные (слова)' (Yt.5.76–77).

Местоимение *aēša-/aēta-* употребляется в тексте в нескольких контекстах дискурсивного дейксиса, см. пример (43). В этом же примере см. указательное местоимение дальнейшей степени *auuaṭbiiō*.

(44) *aēta* *yasna* *aēta* *vahma* <...> *paiti.auua.jasa*
D.M.SG.INS prayer.SG.INS D.M.SG.INS invocation.SG.INS come-down-back.IMP.2SG.ACT
arəduuī *sūre* *anāhite* *haca auuaṭbiiō* *stərəbiiō*
Ardvi.SG.VOC Sura.SG.VOC Anahita.SG.VOC from D.M.PL.ABL star.PL.ABL

Пассаж, завершающий гимн: 'Силой этой молитвы, этого призыва... о Ардвиге Сура Анахита, спустись назад с тех звезд!' (Yt.5.132).

Местоимения, образованные от основы *auua-*, употребляются в тексте как в значении дальнего дейксиса (44), так и в контекстах временной катафоры, см. пример (45). Особо следует отметить употребление *auuaṭ* в примере (46). Строго говоря, это анафорическое употребление, скорее нехарактерное для *auua-*, однако лексикализовавшееся в этой формуле (она повторяется по всему тексту: в стихах 5.19, 5.23, 5.27, 5.31, 5.35, 5.39, 5.43, 5.47, 5.51, 5.55, 5.59, 5.66, 5.70, 5.74, 5.79, 5.83, 5.99, 5.106, 5.110, 5.114, 5.118. При этом в 5.66 (и в некоторых других отрывках) — формула не предваряется эксплицитным выражением просьбы (*auuaṭ āiiaptəm dazdi mē*), но формула повторяется все равно. В формуле вместе с тем присутствует анафорическое местоимение *taṭ* (не следует ли здесь предполагать некую ошибку, возникшую при передаче текста?).

Анахиты и *mē* употреблено в родительном падеже 'моей'. Фрагмент Yt.5.1–5.9 испещрен различными вставками, меняются рассказчики и объект описания (антропоморфная богиня или река), так что можем здесь предположить, что это говорит Анахита, и Yt.5.5 просто вырван из контекста. Тогда и употребление указательного местоимения *aiijhāasca* следует отнести к ближнему дейксису.

- (45) *auuaṭ āiiaptəm dazdi =mē <...> yaḍa azəm*
 D.N.SG.ACC boon.SG.ACC give.IMP.2SG.ACT =1SG.GEN REL.ADV 1SG.NOM
urəmət xšaθrəm bauuāni vīspanəm viunəm
 highest.N.SG.NOM power.SG.NOM become.1SG.SUBJ.ACT all.F.PL.GEN land.PL.GEN
 ‘**Такою** награду/удачу дай мне... чтобы я высшей властью стал над всеми странами’
 (Yt.5.22).

- (46) *daḍaṭ ahmāi taṭ auuaṭ āiiaptəm*
 give.INJ.3SG.ACT D.M.SG.DAT D.N.SG.ACC D.N.SG.ACC boon.SG.ACC
 ‘Дала ему **это/эту, такую** награду’ (Yt.5.22).

Наконец, в тексте местоимение *ima-* употребляется в контексте ближнего дейксиса:

- (47) *<...> yaḍa vīspā imā āpō*
 REL.ADV all.F.PL.NOM D.F.PL.NOM water.PL.NOM
yā zəmə paiti frataciṇti
 REL.F.PL.NOM earth.SG.INS upon flow forth.PRS.3PL.ACT
 ‘...словно все **эти** воды, которые по земле текут’ (Yt.5.15 = 5.96, 5.102, 5.121).

Также *ima-* встречается в одном пассаже, где достоверно определить контекст не удастся (Yt.5.95). Пассаж определенно испорчен и труден для понимания, *imā paiti.vīsəṇte* сложно трактовать потому, что непонятно значение собственно глагола *paiti.vīsəṇte*, а также референт местоимения *imā*, ср. (Lubotsky 2022: 221–222). По этой причине он не глоссируется в настоящей работе.

Хадохт-Наск насчитывает 59 стихов, разбитых на две части, 17 и 42 стиха каждая. Вторая часть также разделяется на два смысловых фрагмента. Первый фрагмент описывает судьбу, постигшую после смерти душу праведника, второй — душу грешника. Между двумя фрагментами много сходств, второй многократно цитирует первый. В том числе повторяются и конструкции с указательными местоимениями.

В тексте Хадохт-Наска нами выявлено 57 употреблений указательных местоимений. Из этих 48 употреблений 20 приходится на *aēša-/aēta-*, 12 на *ha-/ta-*, 6 на *hāu*, 5 на *auua-*, 9 на *ima-*, 5 на *a-*.

Местоимение *hō* повторяется 6 раз в третьем стихе текста, см. пример (48). Употребление *hō* здесь анафорическое. Для такого употребления характерны повторы, то есть анафора в литературоведческом смысле.

- (48) *yō aṣəm staoiti <...> hō mām staoiti*
 REL.M.SG.NOM Asha.SG.ACC praise.PRS.3SG.ACT D.M.SG.NOM 1SG.ACC praise.PRS.3SG.ACT
yim ahurəm mazdām hō āpəm staoiti
 REL.M.SG.ACC Ahura.SG.ACC Mazda.SG.ACC D.M.SG.NOM water.SG.ACC praise.PRS.3SG.ACT
hō zām staoiti hō gām staoiti
 D.M.SG.NOM earth.SG.ACC praise.PRS.3SG.ACT D.M.SG.NOM cow.SG.ACC praise.PRS.3SG.ACT
hō uruuarā staoiti hō vīspa vohū
 D.M.SG.NOM plant.PL.ACC praise.PRS.3SG.ACT D.M.SG.NOM all.N.PL.ACC good.N.PL.ACC
mazdaḍāta aša.ciθra staoiti
 by-Mazda-give.PPRT.N.PL.ACC with-seed of-Asha.N.PL.ACC praise.PRS.3SG.ACT
 ‘Кто Ашу восхваляет, ... **тот** меня, Ахура Мазду восхваляет, **тот** воду восхваляет, **тот** землю восхваляет, **тот** корову восхваляет, **тот** растения восхваляет, **тот** все благое, сотворенное Маздой, содержащее семя Аши восхваляет’ (H.1.3).

Местоимение *taṭ* встречается в тексте во фрагментах Н.2.8, Н.2.26 (повтор), дважды в Н.2.18 и Н.2.36 (повтор). Во всех случаях прослеживается анафора. Ср. употребление *taṭ* в примере (49), где описывается пища, подносимая праведным после смерти. Аналогично употребление *təm* в контексте анафоры см. в Н.2.8, Н.2.26.

- (49) *xvarədanəm =he bəratənəm <...> taṭ*
 food.PL.GEN =3SG.DAT carry.PPRT.N.PL.GEN D.N.SG.NOM
asti yūnō <...> taṭ nāirikaiī
 COP.PRS.3SG.ACT young man.SG.GEN D.N.SG.NOM woman.SG.DAT
 ‘Из пищи, ему (праведнику) принесенной... **эта** — юноши... **эта** — женщине’ (Н.2.18)

В нескольких отрывках (Н.1.4, Н.2.41) встречаем рекогнитивное употребление *aēša-/aēta-* (всего 3), как в примере (50). Указательное местоимение *aēšō* здесь вводит нового референта в дискурс.

- (50) *āaṭ ušəṇḥəm para frərətōiṭ aēšō mərəyō*
 then dawn.SG.ACC towards come towards.OPT.3SG.ACT D.M.SG.NOM bird.SG.NOM
yō parō.darš aēšō mərəyō
 REL.M.SG.NOM Parodarsh.SG.NOM D.M.SG.NOM bird.SG.NOM
yō karətō.dəsuš āθrō vācəm surunaōiti
 REL.M.SG.NOM Kareto-dasu.SG.NOM fire.SG.GEN voice.SG.ACC listen.PRS.3SG.ACT
 ‘Тогда ближе к рассвету приходит **эта** птица Пародарш, **эта** птица Карето-дасу, слушает голос огня’ (Н.2.41).

Во фрагменте (Н.2.1-6) можно обозначить употребление *aēša-/aēta-* в значении отслеживающего дейксиса. Существительное *xšaran-* ‘ночь’ последовательно (6 раз) употребляется с местоимением *aēta-*. Заратуштра спрашивает у Ахура Мазды, что должно случиться на такую-то ночь, и Ахура Мазда отвечает, что на такую-то ночь должно случиться следующее. Аналогичная серия вопросов и ответов представлена и в другом фрагменте текста (Н.2.19–24). Подробнее об употреблении отслеживающего дейксиса см. примеры (21–25).

Дейктическое употребление *aēta-* в тексте Хадохт-Наска уже рассматривалось выше в примере (18), где представлен диалог души и сознания праведника, это Н.2.14. В этом фрагменте *aēta-* употребляется трижды. В Н.2.36 повторяется та же конструкция, что и в Н.2.14, *aēta-* употребляется в диалоге души и сознания грешника.

Подобный контекст диалога, в котором также можно было бы рассмотреть контекст среднего дейксиса — это стих Н.2.11, где употребляется указательное местоимение *aiiua-*. Однако появление *aiiua-* в следующем стихе Н.2.12, где мы не ожидаем видеть средний дейксис, указывает на то, что *aiiua-*, вероятно, употребляется в обоих примерах (51, 52) временной удаленности. Эта временная удаленность в контексте соотносится с поступками и качествами из прошлой, земной жизни праведника. Аналогичным образом конструкции повторяются в Н.2.29, Н.2.30.

- (51) *cišca θβəm cakana aiuua masana =ca*
 INDEF.M.SG.NOM 2SG.ACC love.PF.3SG.ACT D.N.SG.INS greatness.SG.INS =CONJ
vanjhana =ca sraiana =ca hubaoīdita =ca
 virtue.SG.INS =CONJ fairness.SG.INS =CONJ sweet-scentedness.SG.INS =CONJ
vərəθrajāsta =ca paiti.duuaēšaiianta =ca yaða
 victorious-strength.SG.INS =CONJ counteracting-enemies.SG.INS =CONJ REL.ADV

yaṭ =*me* *saḍaiiehi*
REL.N.ACC.SG =1SG.DAT reveal.PRS.2SG.ACT

‘Всякий любил тебя за **то** величие и добродетель, и справедливость, и благовонность, и победоносную силу, и противостояние врагам, как (те,) которые ты мне являешь’ (Н.2.11).

- (52) *tum mām cakana* <...> *aiiua masana* =*ca*
2SG.NOM 2SG.ACC love.PF.3SG.ACT D.N.SG.INS greatness.SG.INS =CONJ
vaṅhana =*ca* *sraiana* =*ca* *yaḍa yaṭ* =*te* *saḍaiiemī*
virtue.SG.INS =CONJ fairness.SG.INS =CONJ REL.ADV REL.N.ACC.SG =2SG.DAT reveal.PRS.1SG.ACT
‘Ты меня любил... за **то** величие и добродетель, и справедливость, как (те), которые я тебе являю’ (Н.2.12).

В тексте также встречается одно дейктическое противопоставление, которым обусловлено употребление указательных местоимений *ima-* и *aiiua-* в пассаже Н.1.16, ср. пример (53). К дейктическому употреблению *ima-* см. также пример (54). В примерах (44, 47, 54) отсутствует явный контраст между близким и далеким, однако использование местоимений *a-*, *ima-* для (психологически) близких объектов (*gaēḍā-* ‘мир, бытие, творение’ (Yt.5.73, 5.109, 5.113), *ap-* ‘вода’, в тексте Яшта «воды, которые по земле текут», *karṣuuar-* ‘страна, континент’) и *aiiua-* для далеких (*star-* ‘звезда’) может быть семантически обусловлено противопоставлением земного мира неземному.

- (53) <...> *yaṭ antar* =*ca* *zām antar* =*ca* *asmanəm*
REL.N.SG.NOM into =CONJ earth.SG.ACC into =CONJ heaven.SG.ACC
imām =*ca* *zām aiiua* =*ca* *raocā*
D.F.SG.ACC =CONJ earth.SG.ACC D.N.PL.ACC =CONJ luminous.PL.ACC
‘... которое на земле и в небесах, **этой** земле, **тех** светлых [небесах]’ (Н.1.16).

- (54) *kā aēiua ašō.stūitiš* *yā*
Q.F.SG.NOM one.F.SG.NOM praise-of-Asha.SG.NOM REL.F.SG.NOM
vīspət imat karṣuuarə
all.N.SG.ACC D.N.SG.ACC country.SG.ACC
‘Какое восхваление Аши одно (стоит) всей **этой** страны?’ (Н.1.14).

Наконец, в примере (55) демонстрируется употребление *hāu* в катафорической конструкции. Оно же повторяется в тексте шестикратно.

- (55) *kā aēiua ašō.stūitiš* <...> *hāu bā*
Q.F.SG.NOM one.F.SG.NOM prayer of Asha.SG.NOM D.F.SG.NOM indeed
ašāum zaraḍuštra yām bā nā pasca fraṅuharəiti
righteous.M.SG.VOC Zarathustra.SG.VOC REL.F.SG.ACC indeed man.SG.NOM after eat.PRS.3SG.ACT
haomahe hutahe ašəm staoiti frastauuanō
haoma.SG.GEN press.PPRT.M.SG.GEN Asha.SG.ACC praise.PRS.3SG.ACT glorify.MPRT.M.SG.NOM
‘Какое восхваление Аши ... **такое**, о праведный Заратуштра, когда муж после вкушения хаомы выжатой, Ашу славит, прославляющий’ (Н.1.8-9).

Местоимение *a-* употребляется анафорически / в значении 3-го лица, так же, как и в тексте Ардвисур-Яшта, ср. пример (9) выше.

Таким образом, употребление указательных местоимений в текстах Ардвисур-Яшта и Хадохт-Наска в целом соответствует основным типам употреблений, выделенных нами

для каждой из основ на основании общего анализа авестийского корпуса. Диалектные различия в употреблении указательных местоимений при анализе двух данных текстов нами не были выявлены. Описанные выше особенности употребления указательных местоимений позволяют сделать вывод о четырех сериях указательных местоимений для авестийского языка, а именно ближней, средней, дальней и анафорической. Анафорическое употребление (а также производное из него употребление в значении местоимения 3-го лица) закреплено за *ha-/ta-/a-*; катафорическое — за *aiiia-/hāi*. Контексты дискурс-дейксиса (в том числе его отслеживающего типа) закреплены за местоимением *aēša-/aēta-*.

Теперь можно уверенно сказать, что отнесение *ha-/ta-*, а также *aēša-/aēta-* к ближней серии без «разграничения основ и функций» (Соколов 1979: 185; Виноградова 2000: 24) несостоятельно. Анафорическое значение, ключевое для *ha-/ta-*, а также *a-* в отдельных косвенных падежах, должно послужить весомым доводом для того, чтобы выделять отдельную анафорическую серию. Это местоимение в своем значении соответствует др.-инд. *sá-, tá-* — которое также не выражает значений дейктической удаленности, однако представлено, в отличие от авестийского, полной парадигмой (Елизаренкова 1982: 244–245).

Иначе можно представить местоимение *ha-/ta-* как принадлежащее области *deixis*, не выражающей значения удаленности от дейктического центра. Эта модель принята в сравнительно-исторических описаниях начала XX века, однако и в них местоимение *ha-/ta-* не воспринимается как однозначно анафорическое, ср. примеры из (Reichelt 1909: 283), уже рассматривавшиеся в нашей работе (14, 15).

5. Реконструкция праиранской системы указательных местоимений

В работе Kupfer 2002 приводится реконструкция системы указательных местоимений древнеиндийского языка, см. таблицу 4. Все представленные в таблице местоимения обладают древнеиранскими когнатами. К. Купфер анализирует примеры на употребление и приходит к выводу, что древнеиндийская система была двухчастной.

Таблица 4. Употребление местоимений др.-инд. языка (Kupfer 2002: 370).

Близкое/видимое для говорящего	Далекое/невидимое для говорящего	Анафорическое	Эмфатическое
<i>idám</i>	<i>*avád</i>	<i>tád</i>	<i>etád</i>

Мы можем с уверенностью сказать, что данные авестийского языка позволяют реконструировать праиранскую систему указательных местоимений как трехчастную, ср. таблицу 5, где представлены четыре серии указательных местоимений. Совпадение с древнеиндийским нарушается только в позиции рефлексов **aiša-, *aita-*.

Таблица 5. Четыре серии указательных местоимений праиранского языка.

I серия (ближний дейксис)	II серия (средний дейксис)	III серия (дальний дейксис)	Анафорическая серия
<i>*a-, *ai̇-, *i̇-, *ima-, *anā</i>	<i>*aiša-, *aita-</i>	<i>*ȧa-, *hāu-</i>	<i>*ha-, *ta-</i> ; возможно, <i>*a-</i>

На позицию **aiša-, *aita-* в системе на месте среднего дейксиса указывают данные не только авестийского, но и других иранских языков. В генетически неоднородных памирских языках в результате лингвистических контактов возобладала трехчастная система,

в которой в качестве указательного местоимения среднего дейксиса выступают рефлексы **aiša-*, **aita-*. Рефлексы **aiša-*, **aita-* в значении среднего дейксиса прослеживаются и в таких среднеиранских языках, как согдийский, хотаносакский, парфянский (Sims-Williams 1994; Wendtland 2009: 181; Durkin-Meisterernst 2014: 282). Отсутствие в том или ином иранском языке рефлексов **aiša-*, **aita-* должно быть связано с утратой в нем соответствующих дейктических категорий и качественным изменением системы. Так, в юго-западных иранских языках этот процесс начался, по-видимому, достаточно рано, что прослеживается уже на примере двухчастной системы древнеперсидского языка.

6. Заключение

«Форм именительного падежа от различных местоименных основ в языке Авесты вообще несколько больше, чем хотелось бы для установления стройной системы» — писал С. Н. Соколов (Соколов 1979: 185). Тем не менее, система местоимений авестийского языка, действительно, более сложная и развернутая, чем древнеперсидская, все же поддается описанию. Мы можем выделить четыре серии указательных местоимений. Первая серия включает в себя местоимения, образующие супплетивную парадигму *aē-/ima-/ī-/a-/ana*. Вторая — местоимение *aēša-/aēta-* (а также, возможно, местоимение *aiiua-* в диалекте, представленном в Yt.12). Третья — местоимения *aiiua-/hāu*, которые также составляют супплетивную парадигму. Четвертая — анафорическое местоимение *ha-/ta-/a-*. Из данного описания следует, что *a-* присутствует сразу в двух сериях, образуя специфический синкретический тип. Кроме того, некоторые типы эндофорического употребления также закреплены за отдельными сериями или местоимениями. Так, *ana* употребляется в контекстах перформативного высказывания, за *aēša-/aēta-* закреплен тип дискурс-дейксиса (в том числе его отслеживающего типа), а за *aiiua-/hāu* — катафора.

В то же время диалектные различия в употреблении указательных местоимений на материале двух различных текстов авестийской традиции не выявляются. Едва ли они могут служить объяснением столь распространенного среди основ указательных местоимений супплетивизма. При этом супплетивизм основ не мешает закреплению за каждой из парадигм одного или нескольких значений, а различия в выражении этих значений между основами, образованными от разных корней, в одной и той же парадигме не прослеживаются. Наконец, *ha-/ta-/a-* в авестийском засвидетельствовано также на пути грамматикализации в личное местоимение 3-го лица (то есть местоимение может выражать как анафорические значения, так и значения местоимения 3-го лица в различных падежных формах).

Для древнеперсидского мы показали, что указательные местоимения распределяются по двум сериям. Основы *iya-*, *ima-*, *a-*, *anā* относятся к одной супплетивной парадигме и покрывают значения ближнего дейксиса. Указательное местоимение *ava-*, традиционно характеризующееся как дальний дейксис, также употребляется в контекстах, где говорящий обращается к адресату, что позволяет говорить о покрытии им области среднего дейксиса и синкретизме средний + дальний дейксис (в терминах Lander & Naegeman 2018). Хотя древнеперсидские основы *ava-*, *haṣ* и следует отнести к супплетивной парадигме, исходя, по крайней мере, из сведений морфологии, употребление *haṣ* в экзофорических контекстах на корпусе древнеперсидских текстов не прослеживается. Местоимение *aita-* засвидетельствовано лишь в эндофорическом дискурс-дейктическом употреблении. В целом система указательных местоимений древнеперсидского языка схожа с авестийской, однако сильно упрощена, а грамматическое выражение дейктиче-

ских значений в ней ослаблено. Полные парадигмы указательных местоимений авестийского и древнеперсидского языков см. в Приложении 1 (таблицы 6–11).

Новые представления о дейксисе и демонстративах в древнеиранских языках должны оказаться полезными для будущих переводов и толкований древних текстов. Полученные данные также являются релевантными для описания систем указательных местоимений в других иранских языках.

В то же время, возможны расхождения в трактовках отдельных форм, а мотивацию употребления того или иного указательного местоимения не всегда удастся определить точно. Пересекаются различные дейктические значения: например, анафоры, катафоры/временной анафоры и временной катафоры у местоимений *ha-/ta-/a-* и *aiiua-/hāu* — так что они встречаются в довольно схожих контекстах. Экзофорические контексты пересекаются с эндофорическими (в особенности при передаче прямой речи) и на материале древних текстов не всегда можно принять одно верное решение. Лучший статистический анализ употребления демонстративов могли бы дать данные корпуса с глоссированными текстами и тщательно сделанным подстрочным переводом. Такого ресурса для древнеиранских языков, к сожалению, не существует.

Наконец, пока без должного внимания остались указательные местоимения в текстах Гат и Ясны Хаптанхаити. Это несомненно более сложный материал, написанный на отличном от всей остальной Авесты языке, небольшой на фоне остальной Авесты, но имеющий множество различных трактовок и переводов. Изучение указательных местоимений в древнеавестийском корпусе требует отдельной работы.

Приложение 1. Полные парадигмы указательных местоимений авестийского и древнеперсидского языков

Таблица 6. Парадигма указательного местоимения I серии *aē-/ima-/ī-/a-/ana* (ближний дейксис, авестийский язык)

Число	Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч.	Им. п.	<i>aēt</i>	<i>imaṭ</i>	<i>īm</i>
	Вин. п.	<i>imət</i>	<i>imaṭ</i>	<i>iməṃ</i>
	Род. п.	<i>ahe, aiṃhe</i>		<i>aiṃhā, aiṃhāscā</i>
	Дат. п.	<i>ahmāi</i>		<i>aiṃhāi</i>
	Отлож. п.	<i>ahmāṭ</i>		<i>aiṃhāt</i>
	Инстр. п.	<i>ana</i>		<i>aiia</i>
	Местн. п.	<i>ahmi, ahmiia</i>		<i>aiṃhe</i>
Дв. ч.	Им. п.	<i>īma</i>	—	—
	Род. п.	<i>aiiā</i>	—	—
	Дат. п.	<i>ābiia</i>		<i>ābiiā</i>
Мн. ч.	Им. п.	<i>ima, ime</i>	<i>ima, imā</i>	<i>imā</i>
	Вин. п.	<i>ima, ime</i>	<i>ima, imā</i>	<i>imā</i>
	Род. п.	<i>aēšəm</i>		<i>āṃhəm</i>
	Дат. п.	<i>aēibiō</i>		<i>ābiō</i>
	Инстр. п.	<i>aēibiš</i>		—
	Местн. п.	<i>aēšu, aēšuiia</i>		<i>āhuua</i>

Таблица 7. Парадигма анафорического указательного местоимения *ha-/ta-/a-* (авестийский язык)

Число	Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч.	Им. п.	<i>hō, hā</i>	<i>taṭ</i>	<i>hā</i>
	Вин. п.	<i>təm</i>	<i>taṭ</i>	<i>təm</i>
	Род. п.	<i>ahe, aiṅhe</i>		<i>aiṅhā, aiṅhāscā</i>
	Дат. п.	<i>ahmāi</i>		<i>aiṅhāi</i>
	Отлож. п.	<i>ahmāṭ</i>		<i>aiṅhāt</i>
	Инстр. п.	<i>tā</i>		<i>aiia</i>
	Местн. п.	<i>ahmi, ahmiia</i>		<i>aiṅhe</i>
Дв. ч.	Им. п.	<i>tā</i>	<i>tē</i>	—
	Вин. п.	<i>tā</i>	<i>tē</i>	—
	Дат. п.	<i>ābiia</i>		<i>ābiia</i>
Мн. ч.	Им. п.	<i>tē</i>	<i>tā</i>	<i>tā</i>
	Вин. п.	<i>tā, tē</i>	<i>tā</i>	<i>tā</i>
	Род. п.	<i>aēšqm</i>		<i>āṅhqm</i>
	Дат. п.	<i>aēibiio</i>		<i>ābiio</i>
	Инстр. п.	<i>aēibiš</i>		—
	Местн. п.	<i>aēšu, aēšuiia</i>		<i>āhuiu</i>

Таблица 8. Парадигма указательного местоимения II серии *aēša-/aēta-* (средний дейксис, авестийский язык)

Число	Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч.	Им. п.	<i>aēša, aēšō</i>	<i>aētaṭ</i>	<i>aēšā</i>
	Вин. п.	<i>aētəm</i>	<i>aētaṭ</i>	<i>aētəm</i>
	Род. п.	<i>aētahe</i>		<i>aētaṅhā, aētaiiā</i>
	Дат. п.	<i>aētahmāi</i>		—
	Отлож. п.	<i>aētahmāṭ</i>		—
	Инстр. п.	<i>aēta</i>		<i>aētaiia</i>
	Местн. п.	<i>aētahmi, aētahmiia</i>		—
Дв. ч.	Им. п.	<i>aēta</i>	<i>aēte</i>	—
	Вин. п.	<i>aēta</i>	<i>aēte</i>	—
	Род. п.	<i>aētaiiā</i>		—
Мн. ч.	Им. п.	<i>aēte, aētaēca</i>	<i>aēta, aētāciṭ</i>	<i>aētā</i>
	Вин. п.	<i>aētā, aētō</i>	<i>aēta, aētāciṭ</i>	<i>aētā</i>
	Род. п.	<i>aētaēšqm</i>		<i>aētaṅhqm</i>
	Дат. п.	<i>aētaēibiio</i>		<i>aētaēibiio</i>
	Инстр. п.	—		—
	Местн. п.	<i>aētaēšu, aētaēšuiia</i>		—

Таблица 9. Парадигма указательного местоимения III серии *aiua-/hāu* (дальний дейксис, авестийский язык)

Число	Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч.	Им. п.	<i>hāu, aom</i>	<i>aiuaṭ</i>	<i>hāu</i>
	Вин. п.	<i>aom</i>	<i>aiuaṭ</i>	<i>aiuaṣm</i>
	Род. п.	<i>aiuaīṣhe, aiuaheca</i>		<i>aiuaīṣhā</i>
	Дат. п.	—		<i>aiuaīṣhāi</i>
	Отлож. п.	—		<i>aiuaīṣhāṭ</i>
	Инстр. п.	<i>aiua</i>		—
	Местн. п.	—		—
Мн. ч.	Им. п.	<i>aiue</i>	<i>aiua, aiuiā</i>	<i>aiuiā</i>
	Вин. п.	<i>aiue, +aiuiā</i>	<i>aiua, aiuiā</i>	<i>aiuiā, aiuaīṣhā</i>
	Род. п.	<i>aiuaēšam</i>		—
	Дат. п.	—		—
	Инстр. п.	<i>aiuiāiš</i>		—
	Местн. п.	—		—

Таблица 10. Парадигма указательного местоимения I серии *iya-/ita-/a-/anā* (ближний дейксис, древнеперсидский язык)

Число	Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч.	Им. п.	<i>iyaṣ</i>	<i>ita</i>	<i>iyaṣ</i>
	Вин. п.	<i>itam</i>	<i>ita</i>	<i>itām</i>
	Род. п.	—		<i>ahyaūyā</i>
	Дат. п.	—		<i>ahyaūyā</i>
	Отлож. п.	<i>anā</i>		
	Инстр. п.	<i>anā</i>		—
	Местн. п.	—	—	<i>ahyaūyā</i>
Мн. ч.	Им. п.	<i>itaiy</i>	<i>itā</i>	<i>itā</i>
	Вин. п.	<i>itaiy</i>	<i>itā</i>	<i>itā</i>
	Род. п.	<i>itaišām</i>		—
	Дат. п.	<i>itaišām</i>		—
	Отлож. п.	<i>itaiḃiš</i>		—
	Инстр. п.	<i>itaiḃiš</i>		—
	Местн. п.	—		—

Таблица 11. Парадигма указательного местоимения II серии *ava-/haṣ* (дальний дейксис, древнеперсидский язык)

Число	Падеж	Мужской род	Средний род	Женский род
Ед. ч.	Им. п.	<i>haṣ</i>	<i>ava, avaš-ci</i>	<i>haṣ</i>
	Вин. п.	<i>avāt</i>	<i>ava, avaš-ci</i>	<i>avāt</i>
	Род. п.	<i>avahyā</i>		—
	Дат. п.	<i>avahyā</i>		—
	Отлож. п.	<i>avanā</i>		<i>avanā</i>
	Инстр. п.	<i>avanā</i>		<i>avanā</i>
	Местн. п.	—		—
Мн. ч.	Им. п.	<i>avaī</i>	<i>avā</i>	<i>avā</i>
	Вин. п.	<i>avaī</i>	<i>avā</i>	<i>avā</i>
	Род. п.	<i>avaīšām</i>		—
	Дат. п.	<i>avaīšām</i>		—
	Отлож. п.	—		—
	Инстр. п.	—		—
	Местн. п.	—		—

Список сокращений и глоссы

1SG — первое лицо единственное число; 2SG — второе лицо единственное число; 3SG — третье лицо единственное число; 1PL — первое лицо множественное число; 2PL — второе лицо множественное число; 3PL — третье лицо множественное число; ABL — аблатив, отложительный падеж; ACC — аккузатив, винительный падеж; ACT — активный залог глагола; ADV — адвербиализатор; APRT — активное причастие; CMP — сравнительная степень; CONJ — союз; COP — копула; D — указательное местоимение / демонстратив; DAT — датив, дательный падеж; DU — двойственное число; F — женский род; GEN — генитив, родительный падеж; IMF — имперфект; IMP — императив, наклонение глагола; INDEF — неопределенное местоимение; INJ — инъюнктив (наклонение глагола), в младоавестийском выражает простое прошедшее время; INS — инструментальный (творительный) падеж; LOC — локатив, местный падеж; M — мужской род; MID — медиальный залог глагола; MPRT — медиальное причастие; N — средний род; NEG — отрицание; NOM — номинатив, именительный падеж; OPT — оптатив, желательное наклонение глагола; PF — перфект; PL — множественное число; PRS — презент, настоящее время; PASS — пассивный залог глагола; PPRT — пассивное причастие; PVB — преверб; REL — относительное местоимение; RSN — послелог со значением причины; SG — единственное число; SUBJ — субъюнктив (конъюнктив), наклонение глагола; SUP — суперлатив, превосходная степень; VOC — вокатив, звательный падеж; ав. — авестийский язык; вин.п. — винительный падеж; дат.п. — дательный падеж; др.-инд. — древнеиндийский язык; др.-перс. — древнеперсидский язык; ед.ч. — единственное число; ж.р. — женский род; и.-е. — праиндоевропейский язык; им.п. — именительный падеж; инстр.п. — инструментальный падеж; лит. — литовский язык; местн.п. — местный падеж; мн.ч. — множественное число; м.р. — мужской род; отлож.п. — отложительный падеж; род.п. — родительный падеж; ср.р. — средний род; ст.-слав. — старославянский язык; х.-с. — хотаносакский язык.

Литература

- Абаев, В. И. 2016. *Авеста. Лекции В. И. Абаева (1982–1983 гг.) с анализом и комментариями*. Цхинвал: Республика.
- Виноградова, С. П. 2000. *Авесты язык*. В: В. С. Расторгуева и др. (ред.). *Языки мира. Иранские языки. III. Восточноиранские языки*: 10–37. Москва: Индрик.

- Елизаренкова, Т. Я. 1982. *Грамматика ведийского языка*. Москва: Наука.
- Ефимов, В. А. 1975. Категория рода. В: В. С. Расторгуева (ред.). *Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Том II. Эволюция грамматических категорий: 7–116*. Москва: Наука.
- Йеттмар, Карл. 1986. *Религии Гиндукуша (пер. с нем.)*. Москва: Наука.
- Мейе, Антуан. 1938. *Введение в сравнительное языкознание индоевропейских языков (пер. с фр.)*. Москва–Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство.
- Молчанова, Е. К. 1975. Категория числа. В: В. С. Расторгуева (ред.). *Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Том II. Эволюция грамматических категорий: 200–249*. Москва: Наука.
- Оранский, И. М. 1979. Введение. В: В. С. Расторгуева (ред.). *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки: 10–128*. Москва: Наука.
- Расторгуева, В. С., Д. И. Эдельман. 2000. *Этимологический словарь иранских языков. Том 1*. Москва: Восточная литература.
- Семереньи, Освальд. 2002. *Введение в сравнительное языкознание (пер. с нем.)*. Москва: УРСС.
- Соколов, С. Н. 1961. *Авестийский язык*. Москва: Издательство восточной литературы.
- Соколов, С. Н. 1979. Язык Авесты. В: В. С. Расторгуева (ред.). *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки: 129–233*. Москва: Наука.
- Эдельман, Д. И. 1990. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Морфология. Элементы синтаксиса*. Москва: Наука.

References

- Abaev, V. I. 2016. *Avesta. Lekcii V. I. Abaeva (1982–1983 gg.) s analizom i kommentarijami*. Chinval: Respublika.
- Bartholomae, Christian. 1904. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.
- Beekes, Robert S. P. 1988. *A Grammar of Gatha-Avestan*. Leiden / New York / København / Köln: Brill.
- Beekes, Robert S. P. 2011. *Comparative Indo-European Linguistics*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- Brandenstein, Wilhelm, Manfred Mayrhofer. 1964. *Handbuch des Altpersischen*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Brugmann, Karl. 1904. *Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen (eine bedeutungsgeschichtliche Untersuchung)*. Leipzig: Abhandl. Der philol.-hist. der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften.
- Bühler, Karl. 1934. *Sprachtheorie. Vol. 2*. Jena: Fischer.
- Cantera, Alberto. 2022. On the Edge between Literacy and Orality: Manuscripts and Performance of the Zoroastrian Long Liturgy. *Oral Tradition* 35(2): 211–250.
- Debrunner, Albert, Jacob Wackernagel. 1930. *Altindische Grammatik III. Band: Nominalflexion – Zahlwort – Pronomen*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
- Diessel, Holger. 1999. *Demonstratives. Form, function, and grammaticalization*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins.
- Dunkel, George E. 2014. *Lexikon der indogermanischen Partikeln. Band 2. Lexicon*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Durkin-Meisterernst, Desmond. 2014. *Grammatik des Westmitteliranischen (Parthisch und Mittelpersisch)*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Edelman, D. I. 1990. *Sravnitel'naja grammatika vostochnoiranskix jazykov: Morfologija. Elementy sintaksisa*. Moskva: Nauka.
- Efimov, V. A. 1975. Kategorija roda. In: V. S. Rastorgueva (ed.). *Opyt istoriko-tipologicheskogo issledovanija iranskix jazykov. Tom II. Evol'ucija grammaticheskix kategorij: 7–116*. Moskva: Nauka.
- Elizarenkova, T. Ja. 1982. *Grammatika vedijskogo jazyka*. Moskva: Nauka.
- Emmerick, Ronald Eric. 1968. *Saka Grammatical Studies*. London / New York / Toronto: Oxford University Press.
- Gippert, Jost (ed.). 1996–2008. *TITUS Text Collection: Avest. Avesta Corpus*. Available online at: <https://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/iran/airan/avesta/avest.htm> [Accessed 18.01.24].
- Jettmar, Karl. 1986. *Religii Gindukusha* (transl. from the German). Moskva: Nauka.
- Johnson, Edwin Lee. 1917. *Historical Grammar of the Ancient Persian Language*. New York: Cincinnati American Book Co.
- Kapović, Mate. 2017. Proto-Indo-European morphology. In: Mate Kapović (ed.). *The Indo-European Languages. Second Edition*. Abingdon: Routledge.

- Kellens, Jean. 1991. L'aveistique de 1972 à 1990. *Kratylos* 36: 1–31.
- Kent, Ronald G. 1950. *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven: American Oriental Society.
- König, Ekkehard. 2020. Beyond exophoric and endophoric uses: Additional discourse functions of demonstratives. In: Åshild Næss et al. (eds.). *Demonstratives in discourse* (Topics at the Grammar-Discourse interface 6): 21–42. Berlin: Language Science Press.
- Kupfer, Katharina. 2002. *Die Demonstrativpronomina im Rigveda*. Frankfurt am Main / Berlin / Bern / Bruxelles / New York / Oxford / Wien: Lang.
- Lander, Eric, Liliane Haegeman. 2018. Syncretism and Containment in Spatial Deixis. In: Lena Baunaz et al. (eds.). *Exploring Nanosyntax*: 116–148. New York: Oxford University Press.
- Lehmann, Winfred Philipp. 1974. *Proto-Indo-European Syntax*. Austin: University of Texas Press.
- Lubotsky, Alexander. 2022. Young Avestan *pašne* and its etymology. *Acta Linguistica Petropolitana* 18–1: 216–225.
- Malandra, William W. (ed.). 1983. *An introduction to ancient Iranian religion: Readings from the Avesta and Achaemenid inscriptions*. Vol. 2. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Martínez, Javier, Michiel de Vaan. 2014. *Introduction to Avestan*. Leiden / Boston: Brill.
- Mayrhofer, Manfred. 1992. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. I Band. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Meillet, Antoine. 1938. *Vvedenije v sravnitel'noje jazykoznanije indoevropskix jazykov* (transl. from the French). Moskva / Leningrad: Gosudarstvennoje social'no-ekonomičeskoje izdatel'stvo.
- Molchanova, E. K. 1975. Kategorija čisla. In: V. S. Rastorgueva (ed.). *Opyt istoriko-tipologičeskogo issledovanija iran'skix jazykov. Tom II. Evol'ucija grammatičeskix kategorij*: 200–249. Moskva: Nauka.
- Oranskij, I. M. 1979. Vvedenie. In: V. S. Rastorgueva (ed.). *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Drevneiranskije jazyki*: 10–128. Moskva: Nauka.
- Reichelt, Hans. 1909. *Awestisches Elementarbuch*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Panaino, Antonio. 2007. Chronologia Avestica: tra cronologia linguistica e storia religiosa (Filologia e storia del testo avestico, 1.) In: Antonio Panaino et al. (eds.). *Disputationes iranologicae Vindobonenses I*: 7–34. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Peirot, Michaël. 2017. Slavic *onъ*, Lithuanian *anàs* and Tocharian A *anac, anäs*. In: Bjarne Simmelkjær Sandgaard Hansen et al. (eds.). *Usque ad radices. Indo-European studies in honour of Birgit Anette Olsen*: 633–642. Copenhagen: Museum Tusulanum Press.
- Plank, Frans. 2016. *The uniquely suppletive inflection of the Indo-European demonstrative pronoun *to-/so- 'that', and how pertinacious deficits of neuters help to explain it*. Talk given at the Berkeley Germanic Linguistics Roundtable. Berkeley: University of California.
- Rastorgueva, V. S., D. I. Edel'man. 2000. *Etimologičeskij slovar' iranskix jazykov. Tom 1*. Moskva: Vostochnaja literatura.
- Schmitt, Rüdiger. 2009. *Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden: Editio minor mit deutscher Übersetzung*. Wiesbaden: Reichert.
- Schmitt, Rüdiger. 2014. *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden: Reichert.
- Szemerényi, Oszvald. 2002. *Vvedenije v sravnitel'noje jazykoznanije* (transl. from the German). Moskva: URSS.
- Sims-Williams, Nicholas. 1994. The triple system of deixis in Sogdian. *Transactions of the Philological Society*. Vol. 92(1): 41–53.
- Skjærvø, Prods Oktor. 2009. Old Iranian. In: Gernot Windfuhr (ed.). *Iranian languages*: 43–195. Abingdon / New York: Routledge.
- Sokolov, S. N. 1961. *Avestijskij jazyk*. Moskva: Izdatel'stvo vostočnoj literatury.
- Sokolov, S. N. 1979. Jazyk Avesty. In: V. S. Rastorgueva (ed.). *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Drevneiranskije jazyki*: 129–233. Moskva: Nauka.
- de Vaan, Michiel, Alexander Lubotsky. 2012. Old Persian. In: Holger Gzella (ed.). *Languages from the World of the Bible*: 194–208. Boston / Berlin: Walter de Gruyter.
- Vinogradova, S. P. 2000. Avesty jazyk. In: V. S. Rastorgueva et al. (eds.). *Jazyki mira. Iranskije jazyki. III. Vostochnoiranskije jazyki*: 10–37. Moskva: Indrik.
- Visser, Eline. 2020. Tracking and recognitional use of Kalamang opa: Demonstrative of cognitive accessibility. In: Åshild Næss et al. (eds.). *Demonstratives in discourse* (Topics at the Grammar-Discourse interface 6): 103–122. Berlin: Language Science Press.

- Wackernagel, Jacob. 2010. *Vorlesungen über Syntax mit besonderer Berücksichtigung von Griechisch, Lateinisch und Deutsch 1920–1924. Vol. 2.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Watkins, Calvert. 1995. *How to kill a dragon: aspects of Indo-European poetics.* Oxford / New York: Oxford University Press.
- Wendtland, Antje. 2009. The Position of the Pamir Languages within East Iranian. *Orientalia Suecana* LVIII: 172–188.
- Yakubovich, Ilya. 2021. Hittite Agent Form. In: A. I. Kogan et al. (eds.). *Problemy obshchej i vostokovednoj lingvistiki. Sochetaemost' jazykovyx edinic i jazykovyje modeli. Pam'ati Z. M. Shal'apinoj (1946–2020):* 124–141. Moscow: Institute of Oriental Studies.

Artyom Badeev. Demonstrative pronouns in Old Iranian languages: main types of usage and the reconstruction of the Proto-Iranian system

In this paper I discuss the use of demonstratives in Old Iranian languages. On the basis of the deictic semantics of demonstratives, the boundaries of suppletive paradigms are defined. For the first time, the correspondence of each paradigm to a particular type of deixis is established on Old Iranian data. Using this data, as well as data from other Iranian languages and its comparison with Old Indian, I present a systematic reconstruction of the Proto-Iranian system of demonstratives.

Keywords: Iranian languages; Old Iranian languages; Avestan language; Old Persian language; deixis; demonstratives; Proto-Iranian language.

